

Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт иностранных языков
Кафедра английской филологии и сопоставительного языкознания

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ АВТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ПРОЗЫ)

Выпускная квалификационная работа

Исполнитель:
Голенищева Евгения Михайловна,
Студент 402 группы

подпись

Научный руководитель:
Сандалова Наталья Владимировна
к.ф.н., доцент

подпись

Квалификационная работа
допущена к защите

Руководитель ОПОП
44.03.01 – Педагогическое образование

Профиль: иностранный язык (английский)
«___» _____ 2016 г

Зав.кафедрой
«___» _____ 2016 г

Екатеринбург 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. СУЩНОСТЬ ИДИОСТИЛЯ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ.....	7
1.1 Понятие идиостиля.....	7
1.2 Лингвистические особенности идиостиля.....	10
1.2.1 Идиостиль в прозе.....	10
1.2.2 Идиостиль в поэзии.....	12
1.3 Экстралингвистические особенности идиостиля.....	14
1.3.1 К вопросу о национальных стереотипах.....	14
1.3.2 Социокультурные явления как характеристика автора.....	18
1.3.3 Уникальный авторский опыт как черта идиостиля.....	21
Выводы по главе 1.....	23
ГЛАВА 2. ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ.....	24
2.1 Понятие гендера и его актуальность в современном мире.....	24
2.2 Основные положения гендерной лингвистики.....	27
2.3 Гендер и литература.....	30
Выводы по главе 2.....	33
ГЛАВА 3. ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ.....	34
В БРИТАНСКОЙ ПРОЗЕ.....	34
3.1 Анализ избранных произведений.....	35
3.1.1 Дж.К. Роулинг. “Casual Vacancy”.....	35
3.1.2 Сесиль фон Цигезар. “Gossip Girl”.....	36
3.1.3 Иэн Макьюэн. “On Chesil Beach”.....	37
3.1.4 Ник Хорнби. “Slam”.....	39
3.2 Эксперимент: определение гендера автора.....	40
3.3 Классификация гендерных особенностей.....	44
3.4 Гендерные особенности и процесс их перевода.....	47
Выводы по главе 3.....	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	50
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	53
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	57
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	62

ВВЕДЕНИЕ

С момента своего рождения литература выступает своеобразным маркером во многих сферах человеческой деятельности. Первые памятники словесности возникли задолго до нашей эры и были посвящены мифологии, религии, науке, философии, историческим событиям. В древности не существовало четкого разделения литературы на художественную и нехудожественную, и, отделяя философские труды от героического эпоса, мы опираемся на современное восприятие этого феномена. Однако литература обладает рядом универсальных характеристик, которые не подверглись изменениям в ходе истории и не зависят от национальной или культурной идентичности читателя. Среди таких универсалий можно отметить, например, тот факт, что литература – это исключительно письменные тексты. Устное творчество является отдельным древним видом искусства, хотя мы и можем говорить о пограничном состоянии фольклора, зародившегося как устное творчество, а затем подвергшегося письменной фиксации.

Художественная литература это не только способ удовлетворения гедонистических потребностей, но и уникальный источник информации об обществе. Обращаясь к сюжетам и проблемам, актуальных для авторов той или иной эпохи, можно с высокой долей уверенности судить о социальных конфликтах и задачах, преобладающих в этот промежуток времени. Так, например, в рамках школьной программы Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой рассказывают нам о реалиях XIX века, а В.В. Быков и Ч.Т. Айтматов знакомят с жизнью века XX.

Кроме того, литература – это важнейший способ сохранения национальной и культурной уникальности. Мир, представленный глазами писателя конкретной национальности, приобретает соответствующую этническую атмосферу, и читатель, изучающий этот мир, целиком погружается в нее.

В наше время, время глобализации, как никогда важно сохранять

этническую уникальность, и одни из наиболее простых, но вместе с тем важных методов является сохранение самобытности языка. Литература – основной способ фиксирования, функционирования и изучения языка. Опираясь на характеристики языка конкретного периода, мы можем судить об исторических и культурных особенностях народа, владеющего этим языком. Язык – это бескрайний простор информации. Современный язык, соответственно, необходимо изучать, основываясь на современной литературе.

Язык в рамках художественной литературы представляет для нас наибольший интерес как одна из граней идиостиля. Говоря об идиостиле, мы можем анализировать особенности исключительно лингвистические, либо можем обратиться к факторам экстралингвистического характера, среди которых национальные особенности, мотивационные характеристики, эмпирическое развитие автора текста.

Текущее исследование посвящено одному из наиболее актуальных вопросов современности – гендерной идентичности. Тема гендера достигла достаточно широкого размаха во многих сферах, но прежде всего – в психологии и социологии. Проблема гендерной идентичности обладает множеством аспектов: от физиологических до нормативно–правовых. **Актуальность** нашего исследования заключается в том, что в современном обществе, которое задает себе все больше и больше вопросов, связанных с вопросом биологического и психического пола человека, возникла необходимость рассмотреть вероятность проявления любых особенностей, связанных непосредственно с гендерной идентичностью. Кроме того, изучение идиостилей в целом – молодая, развивающаяся сфера лингвистики.

Объектом исследования являются грамматические, лексические и стилистические черты идиостиля. **Предмет** исследования заключается в способах реализации гендера автора через особенности идиостиля. Исследование проведено на **материалах** произведений современных

англоязычных авторов: Джоан Роулинг, Иэна Макьюэна, Сесиль фон Цигезар и Ника Хорнби.

Цель работы: выявить и классифицировать особенности идиостиля, присущие конкретному гендеру.

Задачи:

- Рассмотреть ключевые лингвистические и экстралингвистические особенности идиостиля
- Изучить актуальность гендерного вопроса в междисциплинарных областях и в лингвистике
- Изучить специфику понятий «гендер» и «гендерлект»
- Рассмотреть способы реализации особенностей идиостиля, зависящих от гендера
- Провести анализ текстов избранных произведений
- Описать потенциальную классификацию средств выражения гендера в идиостиле

В ходе работы использовались следующие **методы**: стилистический анализ и семантический анализ, был проведен эксперимент, и на основе результатов эксперимента и анализа был осуществлен синтез данных.

Структура работы включает в себя введение, две главы, заключение, библиографический список и приложения. В первой главе рассмотрены различные характеристики и особенности идиостиля с теоретической точки зрения. Вторая глава включает в себя исследования вопросов гендерной идентичности и непосредственный анализ текстов на предмет проявления этой идентичности в каждом из конкретных идиостилей.

Теоретическая значимость исследования заключается в доказательстве того, что творчество конкретного автора обладает собственным набором как лингвистических, так и экстралингвистических черт. **Практическое применение** результатов работы возможно в сфере художественного перевода, филологического анализа, изучения стилистики

АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.

ГЛАВА 1. СУЩНОСТЬ ИДИОСТИЛЯ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ

1.1 Понятие идиостиля

Идиостиль (индивидуальный стиль) – система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения. Впрочем, некоторые исследователи в понятие “идиостиль” также вкладывают тематику, проблематику и особенности мира произведений конкретного автора. Этот термин, как правило, используется при работе с художественными текстами, как прозой, так и поэзией. Идиостиль помогает судить об интеллекте личности, но лишь на избранных уровнях использования языка, например, лингвокогнитивном и мотивационном. Структурно–бытовой уровень, показывающий степень владения повседневным языком, не может служить показателем данного качества. Различение уровней языковой личности привело к дифференциации таких понятий, как идиостиль и идиолект. [3]

Идиолект является совокупностью стабильных структурно–языковых особенностей отдельного носителя языка, тогда как идиостиль – сумма речетекстовых характеристик, формирующихся под влиянием экстралингвистических факторов, и его невозможно свести лишь к семиотическому пространству. Тем не менее, очевидно, что эти понятия неразрывно связаны между собой, идиостиль включает в себя идиолект.

Кроме того, современная лингвистика использует термин «дискурс». Идиостиль и дискурс далеко не тождественны, в то время как идиостиль изучает текст, дискурс рассматривает языковые единицы высшего уровня, объединенные логикой, смыслом [7]. Кроме того, понятие идиостиля — в отличие от дискурса – применяется к текстам изящной словесности — поэзии, художественной прозе,

Идиостиль обладает разноуровневой структурой и является посредником между текстом и его создателем. “Человеческий фактор” является главным препятствием на пути изучения идиостиля, так как невозможно полностью абстрагироваться от конкретного текста и обобщения его особенностей. Кроме того, идиостиль несет в себе влияние эмпирического и теоретического развития какой-либо области знаний.

М.Панов отмечал, что «языковая личность – это индивидуализация, то есть, проявленное состояние языковой способности отдельно взятого носителя языка в его речевых произведениях (текстах)» [10]. Каждая идиолектная личность может проявить себя в творческом идиостиле или здесь присутствует некий отбор? Проблема идиостиля приобретает комплексный характер, и по этой причине анализ писательского идиостиля требует многоуровневого подхода. Лингвисты считают, что в многообразии идиолектных личностей можно выделить два типа:

- стандартную языковую личность, которая отражает усредненную норму литературно обработанного языка;
- нестандартную языковую личность, которая характеризуется отклонением от общепринятых межличностных и межкультурных коммуникативных норм.

Соответственно, выводы об особенностях языковой личности возможно осуществить только на основе конкретного лингвистического анализа созданных ею текстов.

Научное представление об идиостиле складывается в результате анализа данных об определенных качествах текста целого произведения, а так же в результате выделения доминирующих качеств и наиболее употребляемых языковых единиц. [3]. Многоуровневая структура идиостиля включает в себя такие типы особенностей, как коммуникативные, вербально-семантические, тезаурусные, мотивационные, нравственные, эмотивные и другие, поэтому значимость автора как отдельной языковой личности

выражается не столько в проблемах и нравственных или философских проблемах, поднятых им в своем творчестве, сколько именно в индивидуальных языковых способностях и особенностях.

Однако в настоящее время в лингвистических кругах существуют расхождения во взглядах на идиостиль. Так, например, некоторые лингвисты утверждают, что у одной творческой личности, у одного автора может появиться сразу несколько языков.[13]. Наиболее яркий пример подобного идиостилистического билингвизма – авторы, в творчестве которых присутствуют одновременно и прозаические, и поэтические произведения, например, такие как Осип Мандельштам и Марина Цветаева. Насколько вероятно извлечь ключевые особенности, присущие автору, анализируя различные типы текстов? Кроме того, нельзя не упомянуть о так называемом феномене “авторского перевода”. Можем ли мы говорить о едином идиостиле Владимира Набокова пишущего на русском и на английском языках? Подобный взгляд оспаривался С.И.Гиндиным, который утверждал, что за широким диапазоном разнообразных речевых перевоплощений одного автора всегда можно увидеть “структурообразующий стержень творчества” [17]. Таким образом, следует говорить о необходимости построения более общей модели идиостиля. Языковая личность должна быть рассмотрена во всех своих проявлениях, без привязки к каким–либо условным доминантам. В частности, стихи и проза одного автора образуют, по сути, единое пространство, регулируемое только “рефлексией поэта над языком” [3].

Изучением идиостиля в настоящее время занимается идиостилистика. Проблематика этой науки растет в процессе приближения к языковой личности как автору того или иного текста и основана на сведениях функциональной лингвистики.

1.2 Лингвистические особенности идиостиля

1.2.1 Идиостиль в прозе

Подняв вопрос о идиостилистическом билингвизме на основе прозы и поэзии, необходимо рассмотреть принципиальные особенности каждого из этих способов организации речи.

Что такое проза? Прозой называют устную или письменную речь без деления на соизмеримые отрезки. Так как данное исследование проводится в сфере художественной литературы, далее речь будет идти о письменной речи. Первым прозаиком называют Ферекида Сиросского, древнегреческого космолога и мифографа. Его перу принадлежат такие известные произведения, как “Теогония” и “Космогония”. Древнегреческая художественная проза представляла собой мифы, предания, сказки, комедии. Однако само слово “проза” латинского происхождения: *prōsa* (*ōrātiō*) образовано от прилагательного *prōsus* «прямой», «свободный» < *prōsus* то же < др.–лат. *prōvorsos* «повёрнутый вперёд», «прямой», причастие др.–лат. глагола *prōvertere* «поворачивать вперёд» (> лат. *prōvertere*). Термин “*prosa*” может быть противопоставлен названию стиха — лат. *versus* (*prōrsā et vorsā* «в прозе и стихах» у Апулея) [40]

Средневековье и последующие развитие буржуазии повлекли за собой развитие прозаических жанров. Появились повести, новеллы, а позднее и романы. Со временем проза вымещает поэзию, занимавшую позицию превосходства в литературе, а в XIX веке писатели–прозаики становятся более важными и весомыми фигурами в литературе, нежели поэты.

Говоря об идиостиле в прозе, мы имеем в виду систему концептуально значимых для автора принципов организации текста, обусловленных коммуникативной целью, а так же отбор и сочетаемость языковых единиц и стилистических приемов. Разумеется, в первую очередь идиостиль – это реализация языковой личности автора, отражение его индивидуальной

картины мира посредством использования языка. Специфика авторского восприятия проявляется на всех языковых и структурных уровнях текста.

Согласно теории литературного анализа, сюжет произведения рассматривается как система событий, возникающая на основе взаимоотношений персонажей и развития их характеров, раскрывает идею и авторскую концепцию. Композиция – это последовательность изображения событий в тексте конкретного произведения в соответствии с задачами писателя. В особенностях развития событий проявляется художественная мысль автора [23].

Грамматические особенности текста не обязательно выделяются частотой употребления, хотя частота им все же свойственна. Они выделяются не количественно, а качественно, являясь неким “симптомом” текста [8]. Грамматику текста составляют единицы языка, функционирующие в тексте. Под текстовой функцией единицы, как правило, подразумевается способность передавать различные оттенки содержания. Таким образом, доминантными грамматическими признаками являются те, что формируют концепцию текста.

Лексический уровень не может рассматриваться отдельно от стилистических приемов, используемых автором. Полноценный анализ использованных лексем и тропов передает специфику восприятия писателя, пожалуй, подробнее, нежели композиция и грамматические особенности.

Прозаический текст является удивительно богатой основой для изучения идиостилей по той причине, что его структура относительно свободна, не загнана в четкие рамки строф и рифм, в отличие от поэзии. Поэзия, в свою очередь, обладает более широким диапазоном лингвистических параметров идиостиля.

1.2.2 Идиостиль в поэзии

Поэзия относится к тем сферам искусства, которые до сих пор остаются неясны науке, поэтому важно осознавать, что многие проблемы поэтического текста остаются за пределами современных научных подходов. Анализируя тексты такого рода, человек не может полагаться исключительно на эмпирический материал [22].

В современной культуре поэзия обыкновенно принимается как вид искусства, однако, нужно отдавать себе отчет, что в нашей повседневной жизни достаточно поэтических текстов отнюдь не художественного характера. Примером могут служить тексты рекламных роликов. Исторически же стихотворными могли быть тексты любого содержания и предназначения, вплоть до научных работ и медицинских трактатов. Приобретая стихотворную форму, подобные тексты дистанцировались от обыденной речи и приобретали большую ценность и значимость.

Поэзия – как жанр именно литературы содержит в своей основе «стихотворные шедевры с идеальной образностью, достигнутой при гармоничном сочетании оригинальной формы и нового содержания с чувственной окраской» [33]. Многие поэты и лингвисты, изучающие поэтические тексты, считают, что формальных признаков недостаточно, чтобы назвать свое стихотворение поэзией. Таким образом, они утверждают, что рифма, ритм, образность, приемы построения и прочие характерные черты, соблюденные в произведении, еще не гарантируют его высокого качества.

Толковый словарь С.И. Ожегова дает следующее определение:

Поэзия

–и, ж. 1. Словесное художественное творчество, преимущ. стихотворное. 2. Стихи, произведения, написанные стихами. П. и проза. Классическая русская п. Современная п. 3. перен.; чего. Красота и прелесть чего–н., возбуждающие чувство очарования. П. летнего утра. П прил. поэтический, –ая, –ое.

Поэтическое творчество. П. ландшафт [9].

Таким образом, поэзия – это особый способ организации речи, преимущественно стихотворный, не определенный требованиями повседневной речи, обладающий рядом специальных характеристик и несущий художественную ценность и свободу самовыражения.

Поэзия – это целый мир, созданный людьми для собственного духовного развития и обогащения. Это настоящая сокровищница языка, позволяющая сохранить индивидуальность народа, исторические особенности, социальные движения. Недаром с самой древности в курс воспитания и обучения наравне с гимнастикой, музыкой и математикой входила и поэзия.

Поэтический жанр переживал взлеты и падения, и сегодня мы можем наблюдать рост популярности стихотворного творчества среди молодежи. Так, например, активисты Екатеринбургского движения «Поэтический крейсер» уже в течение года проводят творческие вечера для всех желающих [24]. Любой человек, независимо от возраста и профессиональной принадлежности, может участвовать как в качестве поэта, читая собственные стихотворения, так и в качестве слушателя. Разве это не показатель? Разумеется, чаще всего создатель и ценитель – одно лицо, но растущий интерес и вместе с ним растущий творческий потенциал – это яркий символ того, как поэзия возвращает «вкус» к родному языку.

Существуют ли отличительные особенности идиостиля поэтического и прозаического? Во-первых, мы должны иметь в виду, что стихотворные произведения имеют ряд черт, не присущих прозе как таковой. Это ритм, метр, размер и рифма. Размер, как наиболее яркая из структурных черт стихотворения, может быть присущ творчеству конкретного поэта или группы авторов. Так, например, ямб считается особенностью русскоязычной поэзии в целом [13]. Творчество А.С.Пушкина, называемого солнцем русской поэзии, не раз было предметом исследований именно характерных размеров.

Интересна с точки зрения идиостиля и структура сонетов У.Шекспира: как правило, он пользовался пятистопным ямбом [15]. Несмотря на то, что сонеты обладают особенным устойчивым строением, творчество У.Шекспира выделяется среди прочих.

Во-вторых, поэтический текст – это особая среда, отличная от текста прозаического. Поэзия может стать основой для дальнейшего творчества, может оказаться привязана к музыке в виде песни. Песня – это элемент массовой культуры. Чаще всего в понятие «музыка» мы вкладываем именно значение «песня». Как наиболее доступный вид искусства, музыка подчас имеет ни с чем не соизмеримое влияние, а вместе с ним и поэзия.

1.3 Экстралингвистические особенности идиостиля

1.3.1 К вопросу о национальных стереотипах

Современные исследования показывают, что отдельные территории нашей планеты могут быть органично объединены в крупные социальные системы со своими культурными традициями. Среди этих систем можно выделить африканскую, американскую, латиноамериканскую, азиатскую, европейскую культуры и другие. Такие культуры основаны на географическом положении и из-за своей масштабности получили название макрокультур. Разумеется, внутри таких макрокультур имеются межнациональные различия, но они, как правило, преодолеваются чертами сходства. Напротив, различия между двумя макрокультурами глобальны и, безусловно, сказываются на их коммуникации.

Одновременно с нахождением внутри макрокультуры, каждый индивид входит в ту или иную социальную группу, обладающую своими особенностями. Эти группы являются микрокультурами в структуре макрокультуры. Каждая дочерняя культура имеет сходства с материнской, что

обеспечивает их представителям идентичное восприятие окружающего мира. Но так же у макро – и микрокультуры всегда существует ряд отличий по этническому, религиозному, экономическому, географическому признаку и другим [36: с.243]. Таким образом, взаимодействие культур осуществляется на макро – и микроуровнях.

Рай там, где повар – француз, полицейский – англичанин, механик – немец, а руководят всем швейцарцы – гласит известная шутка. Юмор, основанный на национальных стереотипах, необычайно живуч и существует уже много веков. Некоторые воспринимают такие шутки как этническую дискриминацию, другие же видят в них лишь безобидные анекдоты. Однако, независимо от восприятия, нельзя поспорить с тем, что упоминаемые национальные особенности устанавливались в течение многих десятков лет. Есть ли в стереотипах доля правды или это всего лишь предвзятые мнения об отдельно взятых нациях [29]?

И.Гасанов в статье “Национальные стереотипы и образ врага” так описывает этот феномен: “Национальные стереотипы (в узком смысле понятия) – это естественные составные элементы национального сознания, своего рода «коллективное представление», помогающее людям осознать свою национальную принадлежность, свое отличие от других национальных общностей”.

Традиционно термин “этнический стереотип” обозначает устойчивое, схематичное и эмоционально окрашенное мнение одной нации о другой или о самой себе. Согласно И.Гасанову, если ценность принять за норму, то стереотип окажется “нормой в квадрате”, то есть нормой отношения к норме, так как воплощает в себе усредненное и специфическое восприятие ценностей. Одновременно с этим, стереотипы определяют политические симпатии человека, так как помогают соотносить любое явление с ценностной шкалой своей социальной группы. Шаг за шагом это оказывает влияние на отношения между макрокультурами. Ярким примером является

противостояние американской и европейской макрокультур [29].

Не входя в лексическое значение и не являясь его следствиями, коннотации закрепляются в переносных значениях, фразеологических оборотах, метафорах и сравнениях, производных словах.

Эксперимент, в котором участвовали 50 испытуемых, показал, что в русской языковой картине мира определяющими чертами немецкого национального характера признается педантичность, стремление во всем следовать правилам, вьедливость, английского – чопорность, консерватизм, французского – обаяние, болтливость, элегантность. Таким образом, семантический анализ лексических реакций привел к выделению доминирующего лексического компонента, который можно рассматривать как языковую коннотацию и “краеугольный камень” определенного национального характера [18].

Авторы эксперимента отмечают, что, несмотря на тот факт, что при анализе большего объема данных их результат может потребовать коррекции, разработанная методика дает достаточно достоверное и объективное представление о национальных стереотипах.

Исследованием связи языка и культуры занимается такая наука, как лингвострановедение. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров – основоположники этого направления – утверждают, что, овладевая иностранным языком как новым средством коммуникации, человек одновременно осваивает новую национальную культуру. Лингвострановедение занимается экстралингвистическим планом языка с точки зрения учебного процесса, то есть с прикладными целями [2].

Лингвокультурология, как научная дисциплина, во многом согласуется с лингвострановедением, но также обладает рядом специфических характеристик.

Лингвокультурология является синтетической наукой на границе культурологии и филологии, и вопросы преподавания языка (в отличие от

лингвострановедения) не являются первостепенной задачей.

Объектом лингвокультурологии является взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования и изучение этого взаимодействия, как единой системы. Содержание науки заключается в национальных формах существования общества, воспроизводимых в языковой системе и основанные на культурных ценностях конкретного исторического общества.

Предметом исследования является материальная и духовная культура человечества, выраженная в языке, то есть, “языковая картина мира”.

Лингвокультурология ориентируется на систему ценностей, основанную на современном мышлении и жизни общества, на объективную интерпретацию явлений и событий, на полноценное отображение изменений, происходящих внутри различных народов, поэтому эта наука свободна от идеологических, религиозных и прочих доктрин.

Интерпретация культуры требует системного подхода в ее описании. Поэтому задачей лингвокультурологии и ее особенностью является системное представление культуры народа в его языке, в их диалектическом взаимодействии и развитии, а также разработка понятийного ряда, который способствует формированию современного культурологического мышления.

Лингвокультурология тесно связана с этнолингвистикой – комплексной наукой, сочетающей этнографию, изучающую бытовые и культурные особенности народов, проблемы их происхождения, расселения и культурно–исторических взаимоотношений, и лингвистикой.

Связи между языком и компонентами культуры носят двусторонний характер. Процессы соприкосновения разных культур находят отражение в лексических заимствованиях.

В рамках лингвокультурологии не могут быть реализованы принципы системного подхода, так как не существует ни единого корпуса текстов о культуре, ни единого языка для ее описания [1]. По мнению исследователя У.Эко, в качестве модели исследования необходимо принять семиотическое

поле. Семиотическое поле У. Эко – это обобщенный аспект лингвокультурологического поля. Культура как функция языка требует определенной структуры единиц, обладающих смыслом, прагматическими свойствами и денотативной ориентацией [32]. Лингвокультурологические единицы (знаки и их значения) известны нам в процессе действия, в котором основатели семиотики Ч. Пирс и Ч. Моррис выделяли четыре элемента: знак, десигнат, интерпретанту и интерпретатора.

Одним из основных аспектов семиотики является семантика, изучающая смысловое значение единиц языка. Семантическое описание языка представляет собой модель отношения между словами и миром. Толкование слов уходит своими корнями в материальную культуру народа, благодаря раскрытию внеязыкового содержания слова, показу самого класса предметов им обозначаемого, характерных признаков и особенностей предмета. При сравнении одной и той же единицы языка в различных словарях проявляется разницы между словом с его лингвистическим определением (уровень языка) и единицей лингвокультурологического уровня как совокупности языкового и внеязыкового содержания. Лингвокультурологическое определение направлено на раскрытие класса обозначаемых предметов в их национальной специфике [6].

1.3.2 Социокультурные явления как характеристика автора

Связь языка и общества издавна привлекает к себе внимание лингвистов. Социолингвистика опирается на социологические категории, такие как социальная группа, социальная роль, коллективные установки, и др., на основе которых происходит исследования языковых явлений, характерных для указанных категорий.

Процесс функционирования языка постоянно находится под влиянием различных социальных факторов, в частности профессиональных интересов

и запросов, общественных вкусов и взглядов

Любая социальная группа, выделяющаяся в обществе, несмотря на свой размер, географическое и социальное положение, обладает определенным набором специфических черт, присущих только ей. Кроме того, возможно выделить социокультурные феномены, являющиеся реалиями той или иной группы. Это может выражаться в традициях и обычаях, объектах повседневности, нравственных и правовых нормах и др. Разумеется, все это находит отражение в языке.

Каждый условный автор принадлежит ко многим социальным группам, как и любой индивид, находящийся в обществе. Он может быть отцом, скрипачом, британцем и вегетарианцем – и принадлежность к каждой из этих групп, предположительно, находит отражение в его идиостиле.

Та или иная аффилиация склонна проявиться на лексическом уровне. Словарный запас человека зависит непосредственно от его личного опыта, и анализ лексики, присущей тому или иному автору, может продемонстрировать его жизненный опыт, связанный с принадлежностью к какой-либо социальной группе.

Сам по себе термин “социальная группа” обозначает объединение людей, имеющих общий значимый социальный признак, основанный на их участии в некоторой деятельности, связанной системой отношений, которые регулируются формальными или неформальными социальными институтами [19].

Говоря о лексике, свойственной социальной группе, мы, прежде всего, имеем в виду различные виды жаргона и сленг.

Жаргон используется группой людей, объединенных по профессиональному или иному социальному признаку. Он представляет собой набор особых слов, как правило, упрощенных (сокращенных или образных) для обозначения понятий и терминов, используемых людьми с определенным родом деятельности или увлечений. Чаще всего общепринятая

лексика, литературная лексика, официальные термины неудобны для применения в речи, в связи с чем и создается упрощенный язык коммуникации в определенной сфере.

Сленг во многом схож с жаргоном, это такая же упрощенная лексика, основанная, как правило, на неологизмах. Ключевые отличия в том, что сленг широко используется за пределами определенной социальной группы, он скорее характерен эпохе, нежели, предположим, роду деятельности. Также, в отличие от жаргона, сленг недолговечен, и весьма редки случаи, когда сленговые выражения входят в литературный язык и закрепляются в словарях.

Сочетание определенной лексики формирует некий социальный фон текста, во многом помогающий судить об идиолекте. Кроме того, социокультурные феномены находят отражение в образной системе, используемой автором.

В этом случае мы говорим об индивидуальной картине мира, присущей каждому из нас. Любой автор в своем творчестве будет использовать те образы, которые близки ему на культурном уровне, на уровне традиций и воспитания, личного опыта. Любая метафора построена на личных ассоциациях ее создателя.

Разумеется, существуют некие “стандартные” образы, присущие так же социальной группе, например, в русской литературе, в частности, в поэзии, часто упоминается береза как символ Родины. Таким образом, можно судить о связи культуры, истории и языка, формирующей также и определенный национальный стереотип.

Поэтические образы способны служить социальным индикатором точно так же, как и особая лексика. По тому, как автор представляет мир и какие образы использует для передачи этого представления, мы судим о его социокультурной идентичности. Русскоязычный и англоязычный автор будут отличаться склонностью использовать те или иные образы в своем

творчестве. С этой точки зрения социокультурные особенности идиостиля близки с национальными, однако они не могут быть сопоставимы. Существуют образы, присущие представителям разных социальных классов: текст, созданный “модным” современным автором, выходцем из “золотой молодежи”, несомненно, будет отличаться от текста, созданного филологом–профессионалом, даже если сюжет и проблематика будут идентичны.

1.3.3 Уникальный авторский опыт как черта идиостиля

Идиостиль может нести в себе не только черты той или иной социальной группы, к которой принадлежит ее обладатель, но и сугубо индивидуальный опыт.

Описывая такой фактор, нам бы в первую очередь хотелось раскрыть пример Ф.М. Достоевского. С юности писатель страдал относительно легкими приступами эпилепсии. Тяжелая стадия болезни началась после несостоявшегося расстрела в связи с обвинением Ф.М. Достоевского в пособничестве петрашевцам [12]. В последний момент расстрел по приказу Николая I был заменен ссылкой на каторгу. Уже в Сибири легкие приступы сменились тяжелыми припадками. Каким образом заболевание могло отразиться на его творчестве?

С удивительной точностью и доскональностью Федор Михайлович фиксировал описания своих приступов. Обнаружить их можно в опубликованных дневниках писателя. Пережитые болезненные ощущения были перенесены в его романы. По количеству персонажей–эпилептиков творчество Достоевского занимает, пожалуй, первое место в мировой литературе. Это и Нелли в “Униженных и оскорбленных”, Смердяков в “Братьях Карамазовых”, в “Бесах” – Кириллов, а в “Идиоте” – князь Мышкин. Реалистичность эпилептических приступов в его романах превосходит иные клинические описания.

Тщательное описание болезней – не единственное проявление этого

недуга писателя. Ф.М. Достоевский в своем творчестве часто обращался к богу, вплоть до религиозного бреда, что, по мнению психиатров, является характерным для эпилептиков. Вероятно, здесь и берет начало его теория “христианского социализма” [21]. Также исследователи выделяют “вязкость” сознания, что периодически выражалось в чересчур распространенных предложениях, занимающих в романах целые страницы. Впрочем, несмотря на болезнь и ярко выраженные проблемы психологического характера, развитый интеллект и духовность писателя подарили нам шедевры литературы, значимые и любимые до сих пор.

Не менее трагичен и другой фактор, часто оказывающий влияние на творческих людей. Этот фактор может быть спорным и противоречивым, но все же он находит свое отражение в художественной литературе. Речь идет о писательском алкоголизме. Психические заболевания, коим является алкогольная зависимость, способны “снять оковы”, дать волю творческому потенциалу человека [8]. Разрушительное влияние алкоголя на психику человека не может быть оправдано никаким образом, но все же мы говорим о взаимосвязи между литературным творчеством и этой зависимостью. Медицинские исследования демонстрируют, что употребление алкоголя стимулирует воображение, определенным способом вдохновляет, дает возможность глубокой саморефлексии. К использованию этой разрушительной силы прибегал Эрнст Теодор Амадей Гофман. В своем творчестве он извлекал максимальную пользу из собственных психических состояний, основанных на нарушениях восприятия из-за алкогольной интоксикации. Переживаемые им галлюцинации делириозного происхождения оказались в итоге прототипами событий и персонажей многих его новелл [14]. Биографы Гофмана отмечают, что полноценно он мог творить лишь в состоянии алкогольного опьянения, и периодически он составлял немислимые смеси напитков, чтобы вызвать творческий приступ [27].

Примеров, подобных вышеназванным, неограниченное количество. Разумеется, речь идет не исключительно о психических и физиологических расстройствах, хотя чаще всего подобные случаи находят свое отражение в творчестве писателя. На идиостиль может повлиять любой фактор – от семейного положения до религиозных убеждений, и это дает безграничный простор для исследования подобных проявлений в творчестве.

Выводы по главе 1

Язык тесно связан с культурой и несет в себе ее явления и изменения. Язык, запечатленный в литературе, является универсальным культурным хранилищем. Лексика каждого конкретного языка служит уникальным описанием народа, владеющего этим языком.

Язык может быть рассмотрен как доказательство верности или ложности национальных стереотипов, свидетельство принадлежности к той или иной социальной группе, доказательство каких-либо событий в жизни автора.

Каждый автор владеет своим идиостилем, сочетающим сугубо личные качества и характеристики его творчества. Изучением подобных особенностей в частности и связи языка и культуры в целом занимается целый ряд современных развивающихся наук, таких, как лингвокультурология, этнолингвистика, социоллингвистика и т.д. Интерес к данной теме способен развить исследования в области изучения литературы как наиболее удобного средства сохранения национальной и культурной самобытности.

ГЛАВА 2. ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ

2.1 Понятие гендера и его актуальность в современном мире

В чем заключается понятие “гендер”?

Гендер — это совокупность черт, относящихся к маскулинности либо фемининности. Как правило, под такими чертами подразумевают социальные роли или гендерную идентичность [39]. В некоторых случаях понятие «гендер» используется как синоним понятия «пол», хотя изначально термин «гендер» был введён как дополняющий понятие «пол» и противопоставленный ему.

Понятие «гендер» получило широкую огласку благодаря развитию феминизма и гендерных исследований. Оно основано на теории так называемого социального конструктивизма. Эта теория ставит под сомнение природное происхождение различий между людьми и объясняет их как результат социальных процессов. Таким образом, эта теория, а вместе с ней и сам термин отсылают к идеологии гендерного равенства.

Нельзя сказать, что гендер просто представляет собой социальную классификацию представителей противоположных полов. По определению Майкла Киммела, социолога, профессора нью-йоркского университета Стоуни-Брук, «гендер также выражает универсальное неравенство между мужчинами и женщинами. Когда мы говорим о гендере, мы подразумеваем иерархию, власть и неравенство, а не просто различия между мужчиной и женщиной».

До XIX века обоснование этого неравенства лежало на плечах церкви. С точки зрения религии, мужчина и женщина не только были созданы с разной целью, но и были отождествлениями противоположных начал. Это убеждение явилось основой для формирования патриархальной философской традиции, которую связывают с именами Платона и Аристотеля. Позднее к размышлениям о «естественных» и «природных» различиях мужчины и

женщины пришли такие мыслители, как Жан–Жак Руссо и Иммануил Кант. Это мнение впервые подверглось серьезным сомнениям в XIX веке с распространением феминизма. Феминизм возник во Франции в период Великой французской революции. Первые шаги были сделаны писательницей Олимпией де Гуж, выступившей с «Декларацией прав женщины и гражданки», в основе которой лежали требования о предоставлении женщинам равных с мужчинами избирательных прав, прав на участие в общественных мероприятиях и на доступ ко всем должностям. Куда большую популярность феминизм снискал в США. Там в XIX веке борьба за права женщин шла параллельно с борьбой за отмену рабства. В России главной целью движения за равноправие было получение права на образование и трудовую деятельность для женщин. В конце 1880-х годов в Москве, Одессе и Петербурге были открыты высшие женские курсы по подготовке врачей и учителей. Избирательное право также было предоставлено некоторым женщинам в соответствии с их имущественным цензом, но голосовать от их имени могли только мужья или родственники–мужчины.

Современная наука, ориентированная антропоцентрически, не может обойтись без гендерных исследований, оказавшихся прорывом в культуре конца двадцатого столетия. Термин «гендер» был перенесен в гуманитарные науки из лингвистики, где он обозначал грамматическую категорию рода. В отличие от понятия биологического пола, основанного на физиологических различиях мужчин и женщин, гендер обозначает их социальный статус, выделяет социокультурную причину половых различий. Биологический пол дан человеку природой, гендер же устанавливается посредством традиций, обычаев, воспитания, нравственных и правовых норм. В современном обществе категория гендера стоит на одном уровне с категориями расы и класса.

Первые шаги в исследованиях гендера были женские исследования (women's studies), социально–политический контекст которых связан с

идеями эмансипации, равенства, сексуальной революцией, развитием феминизма, который перешел к борьбе за равенство возможностей для женщин. Это привело к тому, что для многих генетиков, психологов, антропологов, этнологов, философов, историков, социологов, филологов в США и Европе женщина стала интересным объектом для исследования.

Следующим шагом стало появление «мужских исследований» (men's studies) или социальной андрологии, что во многом было связано с усилением феминистского движения. Целями исследований были попытки показать основные этапы становления концепций мужественности, механизмы и способы ее становления, вариации мужской гендерной роли. В этот же период начала развиваться «история мужчин», в сферу интересов которой входили исследования причин успеха мужчин в таких областях как военное дело, дипломатия, внутренняя и внешняя политика.

Понятия “маскулинность” и “фемининность” представляют собой обобщенные понятия о психолого–поведенческих характеристиках мужчин и женщин, основанных на разделении социальных ролей и практик. Рассмотрение наук с точки зрения гендера приводит к образованию новых наук, таких как гендерная психология, гендерная антропология, гендерная психология, гендерная экономика, гендерная история и гендерная лингвистика, центры по исследованию этого феномена существуют в США и Европе, в том числе и в России.

Склонность к категоризации предметов и явлений на основе отличительных признаков проявляется у человека с детства и представляет собой суть процесса когнитивного развития. При этом гендер является одним из основных критериев категоризации потому, что общество подчеркивает важность и принципиальность гендерных различий.

2.2 Основные положения гендерной лингвистики

Понятие «гендер» появилось в современной лингвистике гораздо позже, чем в прочих гуманитарных науках. Первые исследования в данной области появились во второй половине XX века на Западе. Эти исследования были системными описаниями особенностей языка и речи, присущих обоим полам. Эти исследования проводились на основе языков из германской и романской групп. В начале 90-х годов прошлого века эта тенденция добралась и до русского языка. В настоящее время процесс изучения гендерных особенностей языка настолько стремителен, что ученые говорят о новой отрасли языкознания, называемой лингвистической гендерологией (гендерной лингвистикой). Выделяют три основных подхода в исследовании гендера в лингвистике [5]:

Первый подход заключается в интерпретации социальной природы “мужского” и “женского” языков. Этот подход направлен на выявление различий, основанных на традиционном распределении социальных ролей. “Мужской” и “женский” языки рассматриваются в качестве производных основного, общего языка.

Второй подход называется социопсихолингвистическим и является отчасти математическим. На основе статистических данных и средних параметров языкового поведения представителей разных полов, ученые строят теории типов конкретно женского или мужского речевого поведения.

Третий подход основан на когнитивном анализе различий в поведении полов. Для сторонников третьего подхода так же важна статистика, но они используют ее не для изучения частотности тех или иных различий, но для создания моделей когнитивных языковых категорий.

Современная гендерная лингвистика полагает, что эти три подхода не могут быть изолированы друг от друга и полноценно работают лишь в совокупности.

Одна из пионеров гендерной лингвистики, А.В.Кирилина, профессор

Московского государственного лингвистического университета, выделяет шесть основных направлений гендерного анализа языка [5]:

1. Социолингвистические исследования.
2. Лингвистика феминизма.
3. Непосредственное изучение языкового поведения обоих полов.
4. Исследования маскулинности .
5. Психолингвистические исследования на основе нейролингвистики и биодетерминизма.
6. Культурологические исследования гендерных субкультур

Эта классификация, по мнению самой А.В.Кирилиной, является условной по той причине, что эти направления во многом пересекаются между собой, им свойственная практически идентичная проблематика и объект исследований.

Как правило, в качестве объекта исследования выступает корреляция языка и гендера. Мы изучаем способы, которыми гендер находит свое выражение в языке: лексика, синтаксис, грамматика. Это необходимо для описания характерных “мужских” и “женских” проявлений в языке и анализа семантических областей, в которых они распространяются.

Цель исследований чаще всего заключается в непосредственном изучении речевого поведения полов, обнаружения и описания речевых моделей, зависящих от гендера. Как правило, эти исследования носят межпредметный характер и основаны на сопоставлении тех или иных факторов. По сути, любая область языка может быть рассмотрена с позиции гендерной лингвистики. Сама по себе гендерная лингвистика носит сугубо прикладной характер [16].

Наряду с такими понятиями, как “диалект” и “идиолект”, современная наука использует понятие “гендерлект”. Однако ученые до сих пор не могут найти компромисс: существует ли он самом деле или это инструмент

психологии, используемый для оправдания сложностей в коммуникации [11].

В целом под гендерлектом понимают различия между “мужским” и “женским” вариантами одного и того же национального языка. Эти различия могут заключаться в грамматике, лексике и стилистике. Наиболее характерный пример – “женский” японский язык. Различия выражены на всех упомянутых ранее уровнях и могут быть замечены даже у детей [25]. Человек, изучающий японский язык, может попасть в неловкую ситуацию: так как большинство преподавателей – женщины, нередко мужчина–ученик усваивает женские языковые особенности. Кроме того, большая часть учебников японского языка сконцентрирована на изучении “вежливого” женского языка. Это является причиной для общения с представителями обоих полов в рамках изучения языка.

Бурное развитие гендерной лингвистики привело к выводу о том, что мужчинам и женщинам присущи различные коммуникативные стили и стратегии, что дает основание считать гендерлект действительным социолингвистическим явлением. Существует несколько основных теорий происхождения гендерлекта. Во-первых, мы можем говорить о теории социализации, предложенной Р.Лакофф и Э.Оксом [37]. Эта теория заключается в том, что гендерлект является продуктом социализации ребенка, который усваивает манеры говорения в соответствии со своим биологическим полом. По мнению Р.Лакофф, так выделился “женский” язык, являющийся таким же навязанным стереотипом, как игра в куклы или ношение платьев.

Также мы можем говорить о принципе мужского доминирования и женского подчинения, предложенного Б.Торне и Н. Хенли [28]. По их мнению, мужское доминирование определяется как “антология интенционально создаваемых мужчинами гендерных речевых стереотипов”, то есть мужчины целенаправленно построили модель собственной мужской речи для осуществления доминирования над женщинами. Б.Торне полагает,

что женщины более ориентированы на коммуникативное сотрудничество, тогда как мужчины – на коммуникативное соперничество.

В начале 90-х годов Дж. Гамперц и Д. Таннен предложили теорию “гендерных субкультур”. В рамках этой теории гендерные различия рассматриваются в том же ключе, что и межкультурные. Д. Таннен считала, что существует две культуры – мужчины и женщины – как две противоположные социальные организованные группы [39]. Эта теория близка с теорией социализации, так как основана на утверждении, что люди с детства находятся в пределах преимущественно однополых групп, которым свойственны особые виды деятельности, системы ценностей и, как следствие, различные речевые характеристики.

Немецкий лингвист С. Хиршауэр также предложил наряду с понятием гендерлекта ввести понятие гендерной нейтральности [36]. Фактор гендерной нейтральности важен в ситуациях и контекстах, где пол автора высказывания нерелевантен для адресата или читателя. Однако фактор гендера стоит наравне с возрастом, этнической принадлежностью и социальным статусом.

2.3 Гендер и литература

Современное языкознание использует антропоцентрический подход, акцентируя свое внимание на языковой личности, ее особенностях и характеристиках. Языковая личность, как было описано ранее, рассматривается с точки зрения национальных, возрастных, гендерных черт. Гендерные особенности формируют речевые модели, и эти структурные характеристики изучались многими лингвистами. Но говоря о текстах художественных, мы, с одной стороны, говорим об искусственно созданных коммуникативных характеристиках персонажей, а с другой - мы обязаны иметь в виду автора и его собственный естественный стиль. Язык современной литературы, как массового искусства, отражает различные уровни гендерной “организации” текста. Это проявляется в стереотипах,

гендерной асимметрии в создании персонажей, даже в описании эмоций!

Литература никогда не находится в “вакууме”, она создается и находит своего адресата, читателя. Читатель не может быть нейтрален, его возраст, образование, пол влияют на то, как он интерпретирует текст. В частности, эти факторы влияют на то, как он способен воспринять такие черты контекста, как жанр, исторический фон, идеологию автора. Разумеется, можно говорить и о том, насколько читатель способен воспринять и гендерные особенности самого автора и его идиостиля.

Западное литературоведение давно занимается вопросами гендерного неравенства в литературе. В ходе развития феминистского движения были обнаружены такие факты, как, например, преобладание авторов-мужчин в канонической литературе. Таким образом, ключевые литературоведческие теории были основаны на творчестве мужчин, а текстами женщин, как правило, пренебрегали, потому как они не подчинялись установленным канонам [38]. В связи с этим среди феминисток возникла теория, что мужчины и женщины пишут по-разному.

Женственный стиль определяют как совокупность формальных характеристик, среди которых выделяют непоследовательность, разрывность, частые отступления, субъективность. Эти черты выделяются в противовес логичности и объективности стиля маскулинного.

Изучение женщины как автора вызвано вопросом о том, какие способы и модели письма употребляют женщины, и как обоснован этот выбор. Исследование женского опыта как фактора, влияющего на идиостиль, оказало особое влияние на феминистские течения в литературоведении и лингвистике в целом.

Различия между речью и, соответственно, текстами, принадлежащими мужчинам и женщинам, проявляются на разных языковых уровнях. Это могут быть особенности фонетического, лексического и грамматического характера.

До сих пор лингвисты не пришли к компромиссу по поводу средств выражения гендерных особенностей текста. Проведенные исследования дают весьма усредненное представление о том, как гендер проявляется в письме. Однако была предпринята попытка идентифицировать женские и мужские характеристики письменной речи. В первую очередь рассмотрим характеристики лексические. Женскому тексту, согласно общим представлениям, присущи следующие особенности:

- Употребление “возвышенной” книжной лексики
- Частое использование клише и эвфемизмов
- Высокий уровень образности в описании эмоций, чувств и состояний
- Относительно большой объем экспрессивных и оценочных слов и выражений

Для мужского текста характерны следующие черты:

- Однообразность способов выражения эмоций и чувств
- Точность номинации, частое использование терминов
- Лексика чаще стилистически нейтральна
- Среди стилистически окрашенной лексики чаще встречаются архаизмы, окказионализмы и сленг

Говоря о грамматических особенностях, так же можно выделить ряд признаков, предположительно присущих тому или иному гендеру. “Женская грамматика” характеризуется следующим:

- Преобладание пассивного залога глагола над активным
- Предложения, как правило, длиннее, чем в мужских текстах
- Преобладание сочинительной связи в сложных предложениях
- Графическое выражение эмоционального состояния через восклицательные и вопросительные знаки

Ряд этих особенностей проявляется в мужских текстах совершенно противоположным образом. Среди грамматических характеристик, присущим авторам-мужчинам выделяют:

- Большой объем абстрактных существительных
- Преобладание активного залога глагола над пассивным
- Менее частое использование графических символов эмоциональной окраски в сравнении с женскими текстами
- Предложения обычно короче, чем в женских текстах
- Преобладание подчинительной связи в сложных предложениях

Исходя из этой предварительной классификации, следует рассмотреть конкретные тексты на выраженность и частотность этих признаков.

Выводы по главе 2

Различаются ли гендерные стили общения, и если да, то каким образом? Мы часто говорим о гендерных стереотипах в жизни, но проявляются ли они в нашей речи?

Когда общаются представители разных национальностей или социальных слоев, разница восприятия и, как следствие, доля недопонимания естественна. Однако это предсказуемо, ведь общаясь с людьми, говорящими на другом языке или диалекте, несущими в себе другой культурный код, мы готовы к расхождениям в понимании друг друга. Но готовы ли мы к этому недопониманию, когда разговариваем с представителем противоположного пола? Как правило, мы не задумываемся об этом. А между тем, теория гендерлекта уже приобрела достоверное обоснование, и мы можем уверенно говорить о разнице между речью мужской и женской.

Впрочем, дело касается не только речи устной, но и письменной. Письменная речь обладает уникальным набором характеристик, называемым идиостилем, и гендерные характеристики находят свое отражение в идиостиле на лексическом и грамматическом уровнях языка.

ГЛАВА 3. ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ В БРИТАНСКОЙ ПРОЗЕ

Проблема гендерлекта была поставлена в конце прошлого века и сейчас находится под пристальным вниманием лингвистов. Но находит ли гендерлект отражение в идиостиле? Можно ли, читая книгу, с уверенностью заявить, что автор – женщина? Существует ли гендерная предопределенность идиостиля?

Основываясь на классификации грамматических и лексических особенностей идиостиля, предложенной в предыдущей главе, нами было проведено практическое исследование. Мы изучали проявления потенциальных гендерных особенностей и их частотность.

Чтобы достичь целей, обозначенных во введении к данному исследованию, мы проанализировали тексты из произведений четырех современных авторов, пишущих на английском языке. Среди выбранных авторов и книг:

- Джоан Роулинг, “Casual Vacancy”
- Иэн Макьюэн, “On Chesil Beach”
- Ник Хорнби, “Slam”
- Сесиль фон Цигезар, “Gossip Girl”

Нами были изучены случайные фрагменты из данных произведений. Так как идиостиль проявляется во всем тексте как совокупность характеристик, логично предположить, что так же он будет проявляться в любом случайно выбранном элементе этого текста.

Рассмотрим каждое произведение в отдельности, учитывая проявления тех особенностей, что были указаны в вышеупомянутой классификации.

3.1 Анализ избранных произведений

3.1.1 Дж.К. Роулинг. “Casual Vacancy”

Дж.К. Роулинг была выбрана в качестве носителя женского идиостиля как один из наиболее популярных на сегодняшний день британских - и мировых - авторов. Ее книги о Гарри Поттере известны на весь мир, и невозможно было не включить ее в перечень исследуемых авторов. Однако для непосредственного изучения было выбрано произведение, не имеющее отношения к серии о Гарри Поттере. Выбранный роман называется “Casual Vacancy”, написан он был в 2012 году.

“Casual Vacancy” – это первый роман, написанный Дж. Роулинг после окончания серии о Гарри Поттере. Сюжет книги разворачивается в вымышленном английском городке Пэгфорд. События разворачиваются после кончины Барри Фейрбразера, члена местного совета. Освободившаяся вакансия разрушает идиллию городка, раскрывая все конфликты его жителей.

Для непосредственного анализа были выбраны случайные фрагменты романа, общий объем которых составляет 1000 слов. В первую очередь, обратим внимание на грамматические особенности.

Среди особенностей женского текста была выделена весома длина предложения. Средняя длина предложения в выбранных фрагментах составляет 23 слова.

Было обнаружено пять случаев употребления пассивного залога. Данное количество выступает опровержением предположения, что женщины-авторы более склонны к использованию пассивного залога. Кроме того, в выбранных фрагментах отсутствуют графические символы эмоциональной окраски, нет ни восклицательных, ни вопросительных знаков.

Так же не находит подтверждения теория о том, что женщины используют сочинительную связь в предложениях чаще, чем подчинительную, так как среди 44 предложений лишь 4 являются

сложносочиненными, что составляет 9% всего объема текста, выбранного для исследования.

С точки зрения лексики, в тексте нашли свое отражение некоторые черты, упомянутые в классификации. Так, например, были найдены показательные примеры эвфемизмов, среди которых “to pass the age of needing a babysitter” в значении “взрослеть, стареть”, “an unfortunate tendency to blush” в значении “быть чересчур скромным” и другие.

Кроме того, были обнаружен пример употребления “брендированной” лексики (что зачастую считается как женский стереотип) в этом фрагменте - “in their shorts and Aertex tops”.

В целом, результат анализа случайных фрагментов романа “Casual Vacancy” лишь частично соответствует предполагаемой модели женского текста, сочетая в себе как женские признаки, так и ряд мужских (преобладание активного залога, низкая эмоциональная окрашенность).

3.1.2 Сесиль фон Цигезар. “Gossip Girl”

Следующей представительницей фемининного стиля была выбрана писательница Сесиль фон Цигезар, известная как автор серии подростковых романов “Gossip Girl”.

Для изучения была взята первая книга из одноименной серии. Повествование ведется от лица неизвестной девушки, раскрывающей все секреты учащихся привилегированной частной школы и их родителей, входящих в городскую элиту.

Общий объем слов выбранных фрагментов составляет 1006 слов при средней длине предложения в 15 слов, что значительно меньше, чем в романе Дж.К.Роулинг. Несмотря на это, анализируя структуру предложений, мы выяснили, что процент использования сочинительной связи выше. Так, сложными предложениями с сочинительной связью являются 12% текста.

Эти данные вновь опровергают высказанное нами предположение. Однако таким же низким, как и в “Casual Vacancy” остается количество случаев пассивного залога — 4 предложения из 67 обладают этим показателем.

Рассматривая особенности лексические, мы пришли к выводу, что в данных фрагментах нашла свое отражение такая черта, как обилие оценочной и экспрессивной лексики, часты упоминания лексем “luxе”, “exclusive” в различных сочетаниях. Вдобавок к этому, автор свободно использует литературную лексику в рамках нейтрального и разговорного стилей, например, такие лексемы как “glimmering”, “suave”, “gyrating”, нехарактерные в целом для данного произведения, ориентированного на подростковую аудиторию.

В этом тексте так же появляется “брендированная” лексика, и использование ее очень широко, от простого упоминания торговых марок в качестве создания атмосферы роскоши (“Armani”, “Barney’s” и др.) до возведения в ранг именно “бренда” названий частных школ и организаций (“Constance Brillard”, “St.Jude”).

В данном тексте так же отсутствует графическое обозначения эмоционального уровня, однако, несмотря на нехватку “говорящих” знаков препинания, можно выделить яркую черту, относящуюся именно как изображению эмоциональности, - употребление парцелляции, часто используемой автором в качестве средства художественной выразительности.

Данный текст можно охарактеризовать как женский скорее со стороны лексических особенностей, нежели грамматических.

3.1.3 Иэн Макьюэн. “On Chesil Beach”

Британский писатель Иэн Макьюэн, обладатель Букеровской премии, является в нашем исследовании представителем маскулинного стиля. Среди множества его произведений был выбран роман “On Chesil Beach”, написанный в 2007 году. Этот роман принес автору вторую номинацию на

Букеровскую премию, но, к сожалению, не принес победы.

“On Chesil Beach” – это несколько часов из жизни двух молодоженов, которая с самого начала оказывается неудачной. Будучи представителями той эпохи, когда до сексуальной революции было еще далеко, оба персонажа, молодые и неискушенные, испытывают затруднения, не умея даже просто разговаривать друг с другом.

Объем исследуемых фрагментов составил 1000 слов. Средняя длина предложения не соответствует выделенному нами стереотипу и составляет целых 24 слова! Согласно этой характеристике стоит отнести этот текст к женским. Однако в тексте все же присутствуют предполагаемые черты мужской грамматики.

Так, например, в тексте преобладает подчинительная связь — 34% всех предложений, отобранных для анализа, являются сложными с подчинительной связью. Среди всего объема текста замечено лишь 2 случая использования пассивного залога.

Фрагменты не содержат восклицательных и вопросительных предложений, отсутствует прием парцелляции, отмеченный в женском тексте, поэтому можно говорить о низком эмоциональном уровне текста.

С позиции лексики текст удовлетворяет “мужским” критериям. Лексика стилистически нейтральна, однако, периодически создается впечатление некоей терминологичности выражений за счет таких слов и словосочетаний, как, например, “accelerated”, “to prevent a muscle from tightening”, “contradicting”.

Исходя из этих параметров, мы делаем вывод, что за исключением длины предложения, характеристики “On Chesil Beach” соответствуют мужскому стереотипу письма.

3.1.4 Ник Хорнби. “Slam”

Вторым представителем маскулинного стиля был выбран молодой автор Ник Хорнби, пишущий о современной популярной культуре. Его роман “Slam” был написан в 2007 году.

“Slam” рассказывает нам историю подростка, которому внезапно пришлось повзрослеть. Неблагополучная семья, недостаток внимания матери приводит к тому, что шестнадцатилетний подросток выбирает плакат со своим кумиром – скейтбордистом Тони Хоуком – в качестве главного советчика во всех своих делах. А дел у мальчика много – совершенно неожиданно он становится молодым отцом.

Объем избранных фрагментов составляет 1001 слово. Средняя длина предложения - 16 слов.

Выбранные фрагменты снова подтверждают высказывание о том, что в мужском тексте подчинительная связь в сложном предложении преобладает над сочинительной — 37% всего отобранного материала.

Так же низким остается использование пассивного залога — 3 случая на 61 предложение.

Среди лексических особенностей можно выделить преимущественное использование простой, разговорной лексики и сленга, например, “boards” вместо “skateboards”.

Этот роман может создавать ошибочное впечатление в плане анализа лексики, так как автор воспроизводит речь и манеры подростка. Несмотря на это, мы без колебаний определяем текст как мужской. Свою роль в этом сыграло практически полное отсутствие средств художественной выразительности, номинация в избранных фрагментах точна и лаконична.

3.2 Эксперимент: определение гендера автора

В рамках исследования нами был проведен эксперимент, касающийся определения гендера автора анонимного текста. Эксперимент проходил в два этапа. На первом этапе участники получали четыре отрывка из вышеперечисленных произведений, представленные на языке оригинала (см. Приложение 1). Перед испытуемыми стояла следующая задача: определить пол автора, опираясь исключительно на личные ощущения от прочитанного текста, и, по возможности, описать причину, по которой было принято решение. На втором этапе участникам предоставлялись соответствующие отрывки из русскоязычных изданий исследуемых произведений и стояла задача повторно проанализировать свое решение: соответствует ли впечатление от перевода ощущениям от оригинала текста?

В эксперименте участвовало 50 человек в возрасте от 18 до 50 лет (66% респондентов в возрасте от 18 до 30 лет и 34%, соответственно, от 30 до 50). Среди опрошенных были носители русского, английского и итальянского языков, испытуемые, не владеющие русским языком, не участвовали во втором этапе эксперимента. В связи с тем, что на первом этапе требовалось внимательное прочтение текста на английском языке, необходимо было выяснить средний уровень владения языком среди участников – не-носителей английского. Большая часть испытуемых – 60% – определили свой уровень как Elementary, 30% считают, что владеют языком на уровне Upper-Intermediate, а оставшиеся 10% пополам разделили уровни Beginner и Advanced.

30% испытуемых отметили, что при чтении книг они не задумываются о том, какого пола ее автор и в принципе не считают этот параметр важным.

90% ответов соответствовали действительности: испытуемые без особых затруднений определили гендерную принадлежность каждого автора, даже с учетом того, что многие из них не владеют английским языком на достаточно высоком уровне, чтобы полноценно проанализировать текст.

Однако когда дело касалось переводов соответствующих отрывков, некоторые изменили свое мнение. Так, например, часть опрошенных, на первом этапе отметившая текст как “женский”, столкнувшись с переводом, предположила, что все же он может быть “мужским”.

В целом, результаты эксперимента подтверждают выдвинутую гипотезу: читая текст, действительно можно определить пол автора, ориентируясь на лексические, грамматические и стилистические особенности.

В качестве авторов “женских” текстов нами были выбраны Джоан Роулинг и Сесиль фон Цигезар (см. Приложение 1). Принципиальную важность составляло жанровое различие, так как тексты должны были значительно отличаться друг от друга. Для анализа были выбраны случайные эпизоды из каждого произведения (это касается и “мужских” текстов), отсутствие какой-либо смысловой и сюжетной близости этих эпизодов, на наш взгляд, делает анализ более объективным.

Рассмотрим признаки, которые делают выбранные фрагменты характерно “женскими”. Одной из особенностей участники эксперимента назвали “чувствительность” текста, что значит, что большое внимание уделяется переживаниям героев. Действительно, первый текст – отрывок из “Casual Vacancy” – богат лексикой, соотнесенной с мышлением героини: “she remembered”, “then she imagined”, “she thought of...”, “she recollected”. Подобное внимание к внутреннему миру считается более характерным для женщин, склонных к переживаниям и саморефлексии. Эмоции героини описаны на удивление подробно и точно, что означает, что автору такие состояния знакомы не понаслышке. Кроме того, можно отметить высокую увлеченность деталями: “big and paunchy”, “smelling vetiver and old sweat”, “dark bedroom”, “in silence”, такую любовь к подробностям, как правило, приписывают женщинам. В целом атмосфера текста ориентирована более на эмоциональный фон, нежели на содержание, некие факты и события.

Чрезмерное “женское” увлечение деталями проявляется и во втором тексте (“Gossip Girl”). “Spill Campari on our rugs”, “wear that dress we couldn’t fit into”, “eat the last olive”. Несмотря на лаконичность, сохраняется ощущение педантичного слежения за подробностями.

Впечатления, создаваемые этими двумя текстами, в целом схожи именно по причине обращения к мыслям персонажей, в частности, у Роулинг это описание непосредственного мыслительного процесса и эмоционального состояния, у Цигезар – скорее побуждение к действию, императивы, выдаваемые рассказчиком от первого лица – “If we aren’t careful...”, “I’ll be watching...”.

Однако в ходе эксперимента некоторые испытуемые отнесли фрагмент из “Gossip Girl” к “мужским” текстам. Причины этого – вероятное подражание маскулинному стилю письма, связанное с сюжетной линией, так как персонаж, от чьего лица ведется повествование, остается анонимным до самого конца книжной серии, и лишь в последнем романе читатель узнает, что рассказ велся от лица молодого человека. Что помогает создать “мужской” эффект?

Для исследования текста с “мужским” характером были выбраны роман Иэна Макьюэна “On Chesil Beach” и “Slam”, повесть Ника Хорнби.

Сюжет обеих книг раскрывает, главным образом, мужскую позицию по тому или иному вопросу, и анализировать произведения целиком было бы неактуально именно по причине очевидности их происхождения. При этом анализ случайного фрагмента предоставляет немало пищи для размышлений.

Главная черта, выделенная участниками эксперимента, как присущая мужчинам – отсутствие “излишеств”. Нельзя сказать, что тексты отличаются особой лаконичностью, краткой изложения, однако, по мнению испытуемых, в них нет избыточной детализации.

Фрагмент “Slam”, выбранный для анализа, описывает трудный для главного героя трюк на скейтборде. Деталей в тексте немного, присутствует

повторяющий образ “to eat concrete”, одновременно обладающий и прямым (в значении “наглотаться пыли”), и переносным (метафора долгой и трудоемкой тренировки) смыслом; сравнение зубов и битого стекла как препятствия для чужаков – “I’m surprised the people who run Grind City don’t put his teeth on the top of the walls to stop people getting at night, the way some people use bits of broken glass”. Эти образы нестандартны и в меру грубы, что составляет часть маскулинной атмосферы текста.

Упрощенная, разговорная лексика также рассматривается как показатель текста мужского, некоторые участники эксперимента предприняли попытку указать возраст автора, однако нельзя забывать, что перед автором стояла задача передать внутренний мир мальчишки–подроста, и использование лексики возвышенной, литературной не позволило бы создать эффекта юности и небрежности.

Фрагмент “On Chesil Beach” описывает завтрак молодоженов. Рассматривая особенности этого текста в соответствии с уже проанализированными фрагментами, невозможно не обратить внимание на столь же подробную детализацию, какую мы встретили в “женских” текстах. Макьюэн не скупится на описания: “partially open French windows”, “the waxed oak boards”, “stratched linen tablecloth”. Казалось бы, количество подробностей, предложенных автором, должно было привести участников эксперимента к мысли, что автор – женщина, но все же подавляющее большинство указало пол автора правильно. Несколько человек обозначили описание как “четкое”, “конкретное”, “без излишеств”. И действительно – автор обращается с описаниями с той аккуратностью, что присуща работе с текстами высокого фактологического потенциала. Весь фрагмент в целом практически лишен метафорической образности, что, вероятно, делает его стилистически “сухим” и создает впечатление сдержанности, присущей тексту маскулинному.

3.3 Классификация гендерных особенностей

На основе синтеза данных, полученных в ходе исследования художественных текстов и результатов эксперимента, мы пришли к выводу, что гендерные особенности могут быть классифицированы.

Во второй главе, посвященной непосредственно вопросам гендера в целом и в частности его проявлениям в языке, была рассмотрена потенциально возможная классификация, основанная на работах известных лингвистов и личных предположениях. Однако в ходе практического исследования некоторые из утверждений были опровергнуты. Результаты работы позволяют нам разделить все особенности на три группы.

Первая группа включает в себя грамматические особенности. Предположение о том, что женский идиостиль характеризуется преобладанием сложносочиненных предложений, не соответствует действительности. Результаты анализа структуры предложений говорят о том, что женскому идиостилю не присуще использование какого-либо одного преобладающего структурного типа предложения, в то время как мужские тексты характеризуются паритетным преобладанием простых и сложноподчиненных предложений (см. Таблица 1).

Кроме того, несмотря на малое количество случаев употребления пассивного залога в целом, как в женских, так и в мужских текстах, все же возможно отметить, что небольшое численное преимущество оказалось на стороне женщин-авторов.

Таблица 1

Частотность использования структурных типов предложений
в женских и мужских текстах

Материал	Общий объем (кол-во)	Простые предл-ия, %	Сложные предл-я, %		
			Сложно- сочиненные	Сложно- подчиненные	Смешанные
«Casual Vacancy»	44	29,5	9	36,36	25
«Gossip Girl»	67	47,7	14,9	22,3	14,9

Продолжение Таблицы 1					
«On Chesil Beach»	41	31,7	7,3	36,5	24,5
«Slam»	61	32,78	9,8	37,7	19,6

Так же не подтвердилось предположение о том, что женскому тексту характерно графическое отображение эмоциональной окраски. Прием парцелляции, обнаруженный во фрагментах романа «Gossip Girl», не может быть рассмотрен в качестве именно гендерной характеристики, так как он не проявил себя в другом женском тексте.

Средняя длина предложения, аналогично предыдущему признаку, является показателем конкретного авторского идиостиля, нежели гендерного, ввиду того, что анализ материала не показал характерного преимущества этого признака ни в женских, ни в мужских текстах (см. Таблица 2).

Таблица 2

Объем исследуемого материала			
Материал	Общее кол-во слов	Общее кол-во предл-ий	Средняя длина предл-я
«Causal Vacancy»	1000	44	23
«Gossip Girl»	1006	67	15
«On Chesil Beach»	1000	41	24
«Slam»	1001	61	16

Вторая группа особенностей касается авторской лексики. Для женского текста характерно использование лексики с повышенной экспрессивностью и оценочным значением. Кроме того, мы обнаружили склонность к использованию “брендированной лексики”. Так же женщины более склонны к использованию лексики литературной, в то время как мужчины чаще обращаются к нейтральной лексике. Помимо этого, для мужчин более характерна лексика разговорного уровня и использование сленга. Мужчины склонны к более лаконичному и точному выражению как образов, так и

эмоций, в то время как женщины чаще используют различные клише и эвфемизмы.

Третья группа включает в себя стилистические особенности. Женский текст более рефлексивен, направлен на раскрытие внутреннего мира персонажей, их переживаний, тогда как мужской скорее представляет собой фактическое повествование без излишеств. Лаконичность проявляется и в описании окружающих деталей, обстановки, атмосферы: женщины-авторы более педантичны в этом отношении.

Говоря об использовании средств художественной выразительности, следует заметить, что как женщины, так и мужчины склонны к кодированию текста с помощью различных средств. Однако характеры образов, воспринимаемые читателем, производят совершенно разное впечатление, и, на наш взгляд, это так же можно считать гендерной особенностью (например, образность в мужском тексте несет в себе непосредственно мужской характер, как простой и лаконичный, так и достаточно грубый).

Таким образом, мы можем выделить ряд особенностей идиостиля относительно гендерной идентификации автора и классифицировать их:

Грамматические особенности:

Женский идиостиль	Мужской идиостиль
Отсутствует преобладающий структурный тип предложения	Склонность к использованию простых и сложноподчиненных предложений в равных долях
Более частое использование категории пассивного залога глагола	Пассивный залог используется реже, чем в женских текстах

Лексические особенности

Женский идиостиль	Мужской идиостиль
Среди стилистически окрашенной лексики — экспрессивная и оценочная	Среди стилистически окрашенной лексики — сленг
Высокая частотность переноса	Точность номинации

значений, более распространено
употребление эвфемизмов
Склонность к употреблению
«брендированной» лексики

Стилистические особенности

Женский идиостиль	Мужской идиостиль
Направленность на внутренний мир персонажа, подробное описание чувств и состояний с использованием средств художественной выразительности	Относительно лаконичное описание событий, меньшее внимание уделяется переживаниям персонажей
Высокая детализированность, внимание к подробностям	Обращение лишь к существенным деталям

Итог анализа фрагментов художественного текста и результатов, полученных в ходе эксперимента, нашел свое отражение в описанной классификации. В эту классификацию вошли не все признаки, изначально предполагаемые как характерные в гендерном аспекте. Характеристики, вошедшие в итоговую классификацию, могут быть рассмотрены как проявления гендера автора в тексте и использованы для идентификации неизвестного автора.

3.4 Гендерные особенности и процесс их перевода

Несмотря на то, что в ходе проведенного эксперимента гендерная идентичность фрагментов на языке оригинала была распознана испытуемыми верно практически на сто процентов, при работе с переводами некоторые из них испытали затруднения, так как переводной текст вызывал противоположные впечатления.

Женский текст – это текст чувствительный и эмоциональный. В таком тексте, как правило, работает особая система эпитетов, создающая особую, неповторимую атмосферу детализированности. В этом случае срабатывает

гендерный стереотип, часто упоминаемый и в жизни: женщинам свойственно продумывать все до мелочей, до еле уловимых подробностей. Даже в случае с фрагментом “Gossip Girl”, в котором автор старалась создать определенный эффект анонимности, заметна тяга к деталям.

Мужской текст – напротив – текст сосредоточенный. Он более фактически точен, лаконичен, сдержан. Даже отдельные стилистические фигуры, как показал эксперимент, несут в себе “мужской характер”.

Результаты эксперимента показали, что средний читатель воспринимает гендерные особенности идиостиля на стилистическом уровне. Грамматический и лексический уровни идиостиля так же являются показателями гендера, несмотря на то, что они уникальны в пределах каждого конкретного идиостиля.

Как гендерные особенности идиостиля могут повлиять на перевод? Несмотря на то, что большая часть испытуемых в ходе эксперимента верно указали гендерную принадлежность авторов предложенных фрагментов, некоторые из этих фрагментов–переводов вызвали сомнение.

На наш взгляд, это связано с тем, что опираясь на те или иные особенности, присущие какой–либо особой социальной группе (в нашем случае – мужчины и женщины), можно создать необходимую атмосферу. Гендерные стереотипы и, как следствие, особенности идиостиля, проявляющиеся на основе этих стереотипов, представляют собой уникальный стилистический инструмент: в зависимости от требований к сюжету или к персонажу, писатель имеет возможность воссоздать в тексте среду, которая произведет верное впечатление на читателя.

При переводе необходимо уделять внимание таким характеристикам текста, так как в процессе перевода могут быть утеряны важные идиостилистические черты, формирующие восприятие ситуации с женской или мужской позиции. Стоит отметить, что представленные переводы в своем большинстве были тождественны оригиналу в создаваемом “гендерном”

впечатлении за счет использования языковых средств, точно передающих авторский замысел.

Эксперимент, проведенный на основе англоязычных текстов и их переводов, показал, что существует практически стопроцентная вероятность указать пол автора произведения, опираясь лишь на читательское впечатление от его стиля.

Так же мы выяснили, что гендерные особенности имеют непосредственное отношение к переводу, являясь важным элементом текста, который должен быть сохранен и передан в языке перевода так же, как и прочие детали, несущие в себе сюжет, смысл, проблематику, лингвистические особенности этого текста.

Выводы по главе 3

В ходе исследования были проанализированы материалы, основанные на современной британской прозе. Были изучены случайные фрагменты четырех различных произведений. В рамках анализа были выявлены черты, характерные для мужского и женского идиостилей, проявляющиеся на грамматическом, лексическом и стилистическом уровнях. Также была предпринята попытка классифицировать обнаруженные черты и особенности.

Опираясь на полученные данные, мы делаем вывод, что существует определенная совокупность характеристик, позволяющая читателю определить гендерную принадлежность автора.

Кроме того, был поднят вопрос о важности обращения именно к гендерному стилю при переводе художественной литературы, так как именно гендерные особенности во многом формируют атмосферу текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык – это бескрайний простор информации. Изучая язык, мы получаем невероятный объем знаний в разных сферах, иногда совершенно непредсказуемых. Язык может дать нам сведения о культуре его носителей, о стадии их развития, об их ценностях и традициях.

Этническая идентичность языка проявляется не только в том очевидном факте, что каждый народ говорит на своем собственном языке, но и в том, что любой народ обладает своей уникальной картиной мира, которая находит свое отражение в идиолекте каждого его представителя. То же самое мы можем сказать и о представителях той или иной социальной группы. Реалии каждой отдельной группы находят свое отражение в языке, делая его совершенно неповторимым.

Вопрос идиостилей и идиолектов – это вопрос уникальности каждого индивида, владеющего языком. Любому человеку говорящему присущ идиолект, отражающий единственную в своем роде совокупность особенностей. Каждый из нас использует свой язык по-своему, и это зависит от многих факторов: национальной идентичности, культурных аффилиаций, теоретических и эмпирических знаний, полученных в ходе развития и роста нашей личности.

Современный язык, соответственно, необходимо изучать, основываясь на современной литературе. Работа с идиостилем помогает полностью погрузиться в текст и детально исследовать его. Анализируя художественный текст, мы способны обнаружить исключительные особенности его автора. Идиостиль – это показатель самобытности, уникальности, это зеркало всего того опыта и знаний, нравов и убеждений, которыми владеет писатель. Как система лингвистических и экстралингвистических характеристик, идиостиль вполне свободно обнаруживается за пеленой вымысла, сюжетных линий, фантазии его обладателя.

Среди экстралингвистических характеристик выделяются и маркеры гендерной принадлежности. Вопрос гендера, как вопрос корреляции биологического и психического пола человека, давно вышел за пределы психологии. Проявления гендера в тексте изучает сравнительно молодая наука – гендерная лингвистика. Эта наука основывается на совокупности теорий, обосновывающих языковые различия представителей противоположных полов. Лингвистами были выделены особенности устной речи, присущие мужчинам и женщинам, для обозначения которых был введен термин “гендерлект”. Этот термин в целом относится к устной речи или фиксации устной речи посредством письма, но можно ли говорить о гендерлекте, проявляющемся в художественном тексте? Гипотезой нашей работы заключалась в вопросе о том, отличается ли художественный текст, написанный женщиной, от текста, написанного мужчиной.

Мы рассмотрели особенности идиостилий в целом, изучив различия текстов прозаических и поэтических. Предметом исследования была выбрана проза, как способ организации текста, более популярный и приемлемый для современного читателя. Несомненно, поэзия так же является удивительно богатым материалом для изучения идиостилия, но по причине более высокого уровня художественной образности, исследование поэзии могло быть не таким объективным, как исследование прозы.

Нами были описаны различные экстралингвистические факторы, проявляющиеся в идиостиле. Мы выяснили, что свое отражение в тексте может найти, по сути, любой элемент, любая деталь жизни писателя – от национальности до перенесенных им заболеваний. В этом и заключается сущность идиостилия – ведь это система как формальных лингвистических характеристик, так и особенностей внутреннего мира автора.

Возможно ли среди всех особенностей текста извлечь те, что помогут нам определить пол его автора? Проведенный эксперимент и последующий анализ его результатов показали, что это возможно. Однако, особенности,

выделенные в ходе этого эксперимента, оказались проявлениями гендера на стилистическом, грамматическом и лексическом уровне. Открытым остается вопрос: может ли гендер проявиться на уровне фонетическом? Таким образом, у данного исследования есть потенциал для дальнейшего развития и изучения более объемного материала.

Цель исследования – изучить особенности идиостиля в целом и проверить гипотезу о гендере в идиостиле – была достигнута. Были выполнены все задачи, поставленные нами во введении к работе. Ход и результаты исследования доказали предположение о дальнейшем практическом применении: полученные сведения могут быть использованы в рамках стилистического анализа и изучения теории и практики перевода. Кроме того, существует потенциал дальнейшего изучения проявлений гендера на других уровнях художественного текста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бендикс Э. Г. Эмпирическая база семантического описания // Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы лексикографии. – М., 1983. №14.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. — М., 1997.
3. Григорьев, В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. – М.: 1983.
4. Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР – М.: Наука, 1976.
5. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999.
6. Колосова О.А, Когнитивные основания языковых категорий. (На материале современного английского языка). Диссертация доктора филологических наук. Москва, 1996.
7. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. – М. : РАН, 1996.
8. Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог. Опыт сравнительного психологического анализа с привлечением случаев Сведенборга и Гельдерлина. СПб. : Академический проект, 1999.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М., 1997.
10. Панов, М.И. Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь– справочник – М.: ООО «Агентство КРПА Олимп», 2005.
11. Айвазова, С. Гендерные исследования в контексте прав человека –М., 2001.
12. Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. — 2-е. — М.: Изд-во АН СССР, 1971.
13. Брагин Н. Ямбические размеры [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://stihi.ru/2006/05/29-369>
14. Виткоп–Менардо Г. (1999) Гофман Э. Т. А., сам свидетельствующий о

- себе и о своей жизни. Серия: Биографические ландшафты. Челябинск : Урал ЛТД.
15. Волков–Вовк Н. Основы сонетов Шекспира (пер. с англ.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2011/01/05/2078>
 16. Габриэлян, Н.М. Пол. Культура. Религия / Н.М. Габриэлян // Общественные науки и современность. – 1996. – №6.
 17. Гиндин С. И. Советская лингвистика текста: Некоторые проблемы и результаты: (1948—1975) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — М.: Наука, 1977. — Т. 36. № 4.
 18. Джим Дж. Н. К теории и практике семантического эксперимента // Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы лексикографии. – М., 1983. №14.
 19. Донцов А. И. Группа: психология и этимология // Вопросы психологии. — 1983. — № 4.
 20. Кон И.С. Мужская роль и гендерный порядок // Вестник общественного мнения. – М.: «Лавада–Центр», «Интерцентр», 2008. № 2 (94).
 21. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении / Под ред. А. В. Гулыги; Пер. с нем. И. С. Андреевой. — М.: Республика, 1996.
 22. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996.
 23. Павлова О.А. Основы теории литературы: Учебно-методическое пособие. - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999.
 24. Поэтический крейсер отметит год своего существования – ИА «Апельсин» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://apelcin.ru/news/69806-poeticheskij-krejser-otmetit-pervyj-god-sushhestvovaniya.html>.
 25. Различия в мужской и женской речи японцев – Грамматика японского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://nippon.temerov.org/gramat.php?pad=gender>
 26. Самсонова Т.Н. Проблема равенства в истории западноевропейской

- социально–политической мысли XV — первой половины XIX вв. // Вестн. Моск. ун–та. Сер. 18, Социология и политология. 2005. № 1.
27. Сегалин, Г. В. (1926) Европатология гениальных эпилептиков. Форма и характер эпилепсии у великих людей // Клинический архив гениальности и одарённости (европатологии). Т. 2. Вып. 3.
28. Торне и Хенли 1974 — Thorne V. and Henley N. (ed.). Language and Sex: Difference and Dominance. Rowley, MA: Newbury House, 1974
29. Умберто Э.. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – М., 2005.
30. Чернявская Ю. Психология национальной нетерпимости. Хрестоматия. – Минск, 1998.
31. Шалак В. Стереотипы национальных характеров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vaal.ru/show.php?id=91>.
32. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая длительность. – Л., 1974.
33. Юденко В. Что такое поэзия? Эссе [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2011/05/16/1047>.
34. Dorval B. (ed.). Conversational Coherence and Its Development. Norwood, NJ: Ablex, 1990.
35. Haig, David The Inexorable Rise of Gender and the Decline of Sex: Social Change in Academic Titles, 1945–2001 // Archives of Sexual Behavior. — 2004. —Т. 33, № 2.
36. Hirschauer St. Dekonstruktion und Rekonstruktion. Plädoyer für die Erforschung des Bekannten, 1993 // Feministische Studien, 1993.– №2.
37. Lacoff R. Language and Woman's Place. N. Y.: Harper and Row, 1975
38. Showalter E. A Literature of Their Own. British women novelists from Bronte to Lessing. Princeton, New Jersey, 1977.
39. Tannen D. Gender and Conversational Interaction. Oxford: Oxford University Press, 1993

40. Walde A., Hofmann J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch.
Heidelberg, 1954. — T. II.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Гендерные особенности языка

Этот опрос направлен на исследование того, как пол автора влияет на его индивидуальный стиль письма. Будьте добры, ответьте на несколько вопросов.

1. Ваш возраст

Младше 18

19–30

30–50

Старше

2. Какими языками вы владеете (включая родной)?

3. Как вы оцениваете свой уровень владения английским языком?

Beginner

Elementary

Pre–Intermediate

Intermediate

Upper–Intermediate

Advanced

Proficiency

Не владею английским языком

4. Задумываетесь ли Вы во время чтения о том, какого пола автор сообщения/ статьи/книги?

Да Нет

5. Имеет ли для Вас значение, кто написал книгу, которую вы читаете мужчина или женщина?

Да Нет

6. Есть ли у Вас любимый автор/любимое произведение? Пожалуйста, укажите имя автора/название произведения.

7. Можно ли определить пол автора по его стилю?

Пожалуйста, ознакомьтесь с предложенными отрывками из произведений современных британских авторов и укажите, какого пола, по Вашему мнению, автор каждого из них и что помогло Вам определить это. Вы можете указать любые черты текста: используемую лексику, грамматические особенности, средства художественной выразительности, особый звуковой ряд, упоминание каких-либо культурных феноменов, специфический юмор и тому подобное.

#1 They ate their toast and drank fresh mugs of coffee in silence. Some of Samantha's irritability lifted as she chewed. She remembered how she had woken with a jerk in their dark bedroom in the early hours, and had been absurdly relieved and grateful to feel Miles beside her, big and paunchy, smelling of vetiver and old sweat. Then she imagined telling customers at the shop about how a man had dropped dead in front of her, and about the mercy dash to hospital. She thought of ways to describe various aspects of the journey, and of the climactic scene with the doctor. The youth of that self-possessed woman had made the whole thing seem worse. They ought to give the job of breaking the news to someone older. Then, with a further lift of her spirits, she recollected that she had an appointment with the Champêtre sales rep tomorrow; he had been pleasantly flirty on the telephone.

#2 So they were eating in their rooms before the partially open French windows that gave onto a balcony and a view of a portion of the English Channel, and Chesil Beach with its infinite shingle. Two youths in dinner jackets served them from a trolley parked outside in the corridor, and their comings and goings through what was generally known as the honeymoon suite made the waxed oak boards squeak comically against the silence. Proud and protective, the young man watched closely for any gesture or expression that might have seemed satirical. He could not have tolerated any sniggering. But these lads from a nearby village went

about their business with bowed backs and closed faces, and their manner was tentative, their hands shook as they set items down on the starched linen tablecloth. They were nervous too.

#3 McTwists are really hard, and I haven't even begun thinking about them yet, mostly because you end up eating a lot of concrete while you're practising. You can't do it without slamming every couple of minutes, but that's the thing about Rabbit. He's so thick that he doesn't mind how much concrete he eats. He's lost like three hundred teeth skating. I'm surprised the people who run Grind City don't put his teeth on the tops of walls to stop people getting in at night, the way some people use bits of broken glass.

#4 Just to be safe, we should all synchronize our watches. If we aren't careful, S is going to win over our teachers, wear that dress we couldn't fit into, eat the last olive, have sex in our parents' beds, spill Campari on our rugs, steal our brothers' and our boyfriends' hearts, and basically ruin our lives and piss us all off in a major way. I'll be watching closely. I'll be watching all of us. It's going to be a wild and wicked year. I can smell it.

8. Подведем итог: какие яркие "женские" и "мужские" черты англоязычного текста вы можете назвать?

9. Пожалуйста, ознакомьтесь с переводами этих отрывков на русский язык. Изменилось ли Ваше мнение? Опишите, какого пола авторы следующих отрывков. Что помогло Вам сделать такой вывод?

#1 Они молча ели тосты, запивая их свежей порцией кофе. Жевательные движения умерили раздражение Саманты. Она вспомнила, как с рассветом судорожно подскочила на кровати в тёмной спальне и до смешного быстро успокоилась, когда с благодарностью нащупала рядом с собой

Майлза, такого большого, с брюшком, пахнувшего камфорным маслом и застарелым потом. Вслед за тем она представила, как будет рассказывать покупательницам у себя в бутике, что прямо у неё на глазах человек упал замертво и что они с мужем помчались на «скорой» в больницу. Она до мелочей продумала, как опишет все этапы поездки, вплоть до самой драматичной сцены, когда появилась докторша. Всё дело портила молодость этой невозмутимой особы. Могли бы доверить такое важное сообщение кому-нибудь посolidнее. Впрочем, настроение опять было на подъёме: Саманта вспомнила, что на завтра у неё назначена встреча с торговым представителем фирмы «Шанпетр»; по телефону они мило пофлиртовали.

#2 Поэтому они ели в маленькой гостиной перед приоткрытыми стеклянными дверьми балкона с видом на Ла-Манш и бесконечную гальку косы Чизил-Бич. Еду им подавали с тележки, стоявшей в коридоре, два парня в смокингах, и воцеленый дубовый пол «апартаментов для новобрачных» комически скрипел в тишине под их ногами. Гордый молодожен чувствовал себя защитником и внимательно следил, не проскользнет ли в их жестах или выражении лиц что-нибудь сатирическое. Он не потерпел бы хихиканья. Но эти парни из соседнего поселка занимались своим делом, почтительно согнув спины, с неподвижными лицами; манеры их были нерешительны, и, когда они ставили посуду на крахмальную полотняную скатерть, руки у них дрожали. Они сами робели.

#3 Мактвист — это в самом деле трудно, и я пока что даже не помышляю о нем, потому что, пока тренируешься, досыта наедаешься бетонной пылью. Невозможно сделать трюк, не шлепаясь каждую пару минут, но это уж по части Кроля. Он такой толстый, что неважно, сколько пыли он сожрет. Он потерял триста зубов, катаясь. Я удивляюсь, почему парни, которые стерегут Грайнд-Сити ночью, не выкладывают эти зубы по

верху стены, чтобы через нее не лазал кто попало, — как другие используют куски битого стекла.

#4 На всякий случай сверим часы. Если мы не будем начеку, S мигом станет любимой ученицей, наденет платья, в которые нам не втиснуться, съест последнюю оливку, займется сексом в постели наших родителей, зальет наши ковры вином, уведет наших парней, похитит сердца наших братьев, испортит нам жизнь и обставит нас по-крупному. Я буду начеку. Я буду следить за всем происходящим. Нас ждет сумасшедший, невероятный год. Уж я-то чую.

10.. Подведем итог: какие яркие "женские" и "мужские" черты русскоязычного текста вы можете выделить?

Спасибо за участие!

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Фрагменты художественных текстов,

использованные в исследовании

1. «Casual Vacancy», Дж.К.Роулинг

- Mary had softened and smiled, so Barry had telephoned the golf club, because it was nearby and they were sure of getting a table. He tried to give his wife pleasure in little ways, because he had come to realize, after nearly two decades together, how often he disappointed her in the big things. It was never intentional. They simply had very different notions of what ought to take up most space in life.
- Barry and Mary's four children were past the age of needing a babysitter. They were watching television when he said goodbye to them for the last time, and only Declan, the youngest, turned to look at him, and raised his hand in farewell.
- Barry's headache continued to thump behind his ear as he reversed out of the drive and set off through the pretty little town of Pagford, where they had lived as long as they had been married. They drove down Church Row, the steeply sloping street where the most expensive houses stood in all their Victorian extravagance and solidity, around the corner by the mock-Gothic church, where he had once watched his twin girls perform Joseph and the Amazing Technicolor Dreamcoat, and across the Square, where they had a clear view of the dark skeleton of the ruined abbey that dominated the town's skyline, set high on a hill, melding with the violet sky.
- Tessa munched another biscuit, still thinking about Krystal. Their recent guidance sessions had not been very satisfactory. Krystal had been standoffish. Today's had been no different. She had extracted a promise from Krystal that she would not pursue or harass Sukhvinder Jawanda again, but

Krystal's demeanour suggested that Tessa had let her down, that trust was broken. Possibly Colin's detention was to blame.

- Tessa had thought that she and Krystal had forged a bond strong enough to withstand that, although it had never been quite like the one Krystal had with Barry. Tessa had been there, on the spot, the day that Barry had come into school with a rowing machine, looking for recruits to the crew he was trying to start. She had been summoned from the staff room to the gym, because the PE teacher was off sick, and the only supply teacher they could find at such short notice was male.
- The fourth-year girls, in their shorts and Aertex tops, had been giggly when they had arrived in the gym to find Miss Jarvis absent, replaced by two strange men. Tessa had had to reprimand Krystal, Nikki and Leanne, who had pushed to the front of the class and were making lewd suggestive remarks about the supply teacher; he was a handsome young man with an unfortunate tendency to blush.
- Barry, short, ginger-haired and bearded, was wearing a tracksuit. He had taken a morning off work to do this. Everybody thought his idea was strange and unrealistic: schools like Winterdown did not have rowing eights. Niamh and Siobhan had seemed half amused, half mortified by their dad's presence.
- On the basis of what she had seen that afternoon, Kay thought the time was right for a case review, to pull together those professionals who shared responsibility for individual fragments of Terri Weedon's life. She continued to press redial between dealing with other work, while in the corner of the office their own telephone rang repeatedly and clicked immediately onto the answering machine.
- The Child Protection team's room was cramped and cluttered, and it smelt of spoilt milk, because Alex and Una had a habit of emptying the dregs of their

coffee cups into the pot of a depressed-looking yucca plant in the corner. The muddy River Orr gushed over the wreckage of the stolen computer, thrown from the old stone bridge at midnight.

- Simon limped to work on his fractured toe and told everyone that he had slipped on the garden path. Ruth pressed ice to her bruises and concealed them inexpertly with an old tube of foundation; Andrew's lip scabbed over, like Dane Tully's, and Paul had another nosebleed on the bus and had to go straight to the nurse on arrival at school. Shirley Mollison, who had been shopping in Yarvil, did not answer Ruth's repeated telephone calls until late afternoon, by which time Ruth's sons had arrived home from school. Andrew listened to the one-sided conversation from the stairs outside the sitting room. He knew that Ruth was trying to take care of the problem before Simon came home, because Simon was more than capable of seizing the receiver from her and shouting and swearing at her friend.
- She had nearly fifty pounds in her pocket, which represented her wages from the café and the party, and the razor blade. She had wanted to take her building society pass book, which resided in a little filing cabinet in her father's study, but Vikram had been at his desk. She had waited for a while at the bus stop where you could catch a bus into Yarvil, but then she had spotted Shirley and Lexie Mollison coming down the road, and dived out of sight.
- Gaia's betrayal had been brutal and unexpected. Pulling Fats Wall ... he would drop Krystal now that he had Gaia. Any boy would drop any girl for Gaia, she knew that. But she could not bear to go to work and hear her one ally trying to tell her that Fats was all right, really.
- When Shirley opened the bedroom door, she saw nothing but two empty beds. Justice required a sleeping Howard; she would have to advise him to return to bed. But there was no sound from either the kitchen or the

bathroom. Shirley was worried that, by taking the river road home, she had missed him. He must have got dressed and set off for work; he might already be with Maureen in the back room, discussing Shirley; planning, perhaps, to divorce her and marry Maureen instead, now that the game was up, and pretence was ended.

«Gossip Girl», Сесиль фон Цигезар

- Welcome to New York City's Upper East Side, where my friends and I live and go to school and play and sleep sometimes with each other. We all live in huge apartments with our own bedrooms and bathrooms and phone lines. We have unlimited access to money and booze and whatever else we want, and our parents are rarely home, so we have tons of privacy. We're smart, we've inherited classic good looks, we wear fantastic clothes, and we know how to party.
- Our shit still stinks, but you can't smell it because the bathroom is sprayed hourly by the maid with a refreshing scent made exclusively for us by French perfumers. It's a luxe life, but someone's got to live it. Our apartments are all within walking distance of the Metropolitan Museum of Art on Fifth Avenue, and the single-sex private schools, like Constance Billard, which most of us go to. Even with a hangover, Fifth Avenue always looks so beautiful in the morning with the sunlight glimmering on the heads of the sexy St. Jude's School boys.
- Dan was wearing a tuxedo for the first time in his life. He'd felt pretty sharp when he first put it on, but he still couldn't deal with the Kiss on the Lips party. So when Jenny let him blow the party off, he'd come to The Five and Dime to apologize to Vanessa for being such a dick over the Marjorie thing. He'd tried to convince himself it didn't matter that he'd probably never see Serena van der Woodsen again in his life. After all, he told himself, life was fragile and absurd. Life was absurd all right. Because there Serena was. In

Williamsburg, of all places. His dream girl.

- Dan felt like Cinderella. He shoved his hands in his pockets to keep them from shaking, and tried to plan his next move. He would walk over and suavely offer to buy Serena a drink. Too bad the only suave thing about him was his outfit. Even it was only half as suave as it could have been if he'd kept the Armani from Barneys.
- Serena grabbed his hand and pushed her way into the gyrating throng with Dan stumbling after her. Then Serena began to dance, her arms raised over her head, kicking her feet out in front of her and shaking her shoulders. She definitely knew how to dance. Dan nodded his head up and down and waggled his knees in time to the beat, watching her. Serena reached out and clasped Dan's hips, rocking them back and forth and around and around, mimicking what her hips were doing all on their own. Dan laughed and Serena smiled and closed her eyes, getting seriously down. Dan closed his eyes too, letting his body follow hers. It really didn't matter that he danced like a moron, or that he was the only one in the room wearing a tuxedo probably the only one in Williamsburg. He was with her ,and that was what mattered.
- A few couples away, Chuck had his hands full of Jenny Humphrey. Jenny wished the DJ would bring up the tempo. She was trying to dance as fast as she could, to keep Chuck from groping her, but it was having the opposite effect. Every time she moved her shoulders, her boobs bounced out of her dress and practically hit him in the face. Chuck was absolutely delighted. He put his arms around Jenny's waist and pulled her close, dancing off the dance floor and into the ladies' room. 'What are we doing??' Jenny said, confused. She gazed up into his eyes. She knew Chuck was friends with Serena and Blair, and she wanted to trust him. But Chuck still hadn't asked her what her name was.

- He'd barely spoken to her at all. The front door closed with a hollow bang, but Blair remained locked in the bathroom, standing in front of the mirror glaring at her tear-stained reflection. The tube of Serena's lip gloss was still lying on the sink where she had left it. Blair picked it up with trembling fingers. Gash , it was called. What an ugly name. Of course Serena could wear lip gloss with ugly names, and tights with holes in them, and dirty old shoes, and never cut her hair, and still get the boy. Blair grunted at the irony of it all and opened her bathroom window, tossing the lip gloss out into the night and waiting to hear it land on the pavement below. But she couldn't hear a thing.
- Her head was too full of the new movie she was working on. The movie in which the fabulous Serena van der Woodsen was run over by a bus with her stupid picture plastered to the side of it and was horribly maimed. Her old friend Blair would take time out from her busy life with her doting husband, Nate, to feed Elephant Girl Serena mashed pears and tell her all about the parties she and Nate had been to. Serena would grunt and fart in response, but charitable Blair wouldn't mind. It was the least she could do. Everyone would call her Saint Blair , and she would win awards for her golden heart.
- B , K , and I all in 3 Guys eating fries and hot chocolates with big fat Intermix bags under the table. Don't those girls have anywhere else to go? And we thought they were always out boozing it up and partying down. So disappointing. I did see B slip a few splashes of brandy into her hot chocolate, though. Good girl. Also saw that same wigged girl going into the STD clinic downtown. If that is S, she's definitely got a bad case of the nasties. Oh, and in case you're wondering why I frequent the neighborhood of the STD clinic? I get my hair cut at a very trendy salon across the street. Serena dropped the cookie she was eating on the floor, stunned.

«On Chesil Beach», Иэн Макьюэн

- They were young, educated, and both virgins on this, their wedding night, and they lived in a time when a conversation about sexual difficulties was plainly impossible. But it is never easy. They had just sat down to supper in a tiny sitting room on the first floor of a Georgian inn. In the next room, visible through the open door, was a four-poster bed, rather narrow, whose bedcover was pure white and stretched startlingly smooth, as though by no human hand.
- Edward did not mention that he had never stayed in a hotel before, whereas Florence, after many trips as a child with her father, was an old hand. Superficially, they were in fine spirits. Their wedding, at St Mary's, Oxford, had gone well; the service was decorous, the reception jolly, the send-off from school and college friends raucous and uplifting. Her parents had not condescended to his, as they had feared, and his mother had not significantly misbehaved, or completely forgotten the purpose of the occasion.
- The couple had driven away in a small car belonging to Florence's mother and arrived in the early evening at their hotel on the Dorset coast in weather that was not perfect for mid July or the circumstances, but entirely adequate: it was not raining, but nor was it quite warm enough, according to Florence, to eat outside on the terrace as they had hoped.
- Edward thought it was, but, polite to a fault, he would not think of contradicting her on such an evening. She was doing all she could to prevent a muscle in her leg from tightening, but it was happening without her, of its own accord, as inevitable and powerful as a sneeze. It was not painful as it

clenched and went into mild spasm, this treacherous band of muscle, but she felt it was letting her down, giving the first indication of the extent of her problem.

- He surely felt the little storm beneath his hand, for his eyes widened minutely, and the tilt of his eyebrows and the soundless parting of his lips suggested that he was impressed, even in awe, as he mistook her turmoil for eagerness. The brave little joke she had thought of earlier, to soften her message or make herself sound less unworldly, brought no response from Edward. He remained an unreadable, two-dimensional shape against the sea, utterly still.
- With an uncertain, fluttering movement, her hand rose to her forehead to brush back an imaginary trailing hair. In her nervousness she began to speak faster, though her words were crisply enunciated. Like a skater on thinning ice, she accelerated to save herself from drowning. She tore through her sentences, as though speed alone would generate sense, as though she could propel him too past contradictions, swing him so fast along the curve of her intention that there could be no objection he could grasp at. Because she did not slur her words, she sounded unfortunately brisk, when in fact she was close to despair.
- How did they meet, and why were these lovers in a modern age so timid and innocent? They regarded themselves as too sophisticated to believe in destiny, but still, it remained a paradox to them that so momentous a meeting should have been accidental, so dependent on a hundred minor events and choices. What a terrifying possibility, that it might never have happened at all. And in the first rush of love, they often wondered at how nearly their paths had crossed during their early teens, when Edward descended occasionally from the remoteness of his squalid family home in the Chiltern Hills to visit Oxford. As always, Florence was adept at concealing her feelings from her family. It required no effort - she simply left the room,

whenever it was possible to do so undemonstratively, and later was glad she had said nothing bitter or wounding to her parents or sister; otherwise she would be awake all night with her guilt. She constantly reminded herself how much she loved her family, trapping herself more effectively into silence.

- She knew very well that people fell out, even stormily, and then made up. But she did not know how to start - she simply did not have the trick of it, the row that cleared the air, and could never quite believe that hard words could be unsaid or forgotten. Best to keep things simple. She could only blame herself then, when she felt like a character in a newspaper cartoon, with steam hissing from her ears. After some minutes, he slid from her side and undressed hurriedly over by the window, leaving a precious zone around the bed free of all such banality.
- He trod on the backs of his shoes to wrench them from his feet, and snatched his socks off with quick jabs of his thumbs. He observed that her eyes were not on him, but straight up, on the sagging canopy above her. In seconds he was naked but for his shirt, tie and wrist-watch. Somehow the shirt, partly concealing, partly emphasizing his erection, like a draped public monument, politely acknowledged the code set by her dress. The tie was clearly absurd, and as he went back towards her he yanked it free with one hand while loosening his top button with the other.
- It was a confident swaggering motion, and for a moment there returned to him an idea of himself he once had, of a rough-hewn but fundamentally decent and capable fellow, and then it faded. The ghost of Harold Mather still troubled him. That was one of the exquisite moments of their early love, when they went slowly, arm in arm, back up the glorious avenue, walking in the centre of the lane to take full possession. Now that it was inevitable, the prospect of her encounter with his mother and the cottage no longer seemed important. It stood clear before him, and he was an idiot not to have seen it.

«Slam», Ник Хорнби

- There isn't a good way of saying this. I'll tell you what I'll do. I'll repeat a conversation I had with Rabbit, who's this guy I know from skating. He's like two years older than me, and he goes to Grind City too, and we meet from time to time at the bus stop with our boards, or at The Bowl, which is the other place we skate at when we can't be bothered to go to Grind City. It's not really a bowl. It's a kind of concrete pond thing that was supposed to cheer up the flats around the corner, but it hasn't got any water in it anymore, because they started to worry about kids drowning. They should have worried about kids drinking it, if you ask me, because people used to piss in it on the way back from the pub and all sorts. It's dry now, so if you're looking for somewhere to skate when you've only got half an hour or so, then it's perfect.
- There are three of us who use it all the time—me, Rabbit and Rubbish, who can't really skate, which is why he's called Rubbish, but who at least talks sense. If you want to learn something about skating, watch Rabbit. If you want a conversation that isn't completely insane, talk to Rubbish. In a perfect world, there'd be somebody who had Rabbit's skills and Rubbish's brain, but as you know, we don't live in a perfect world.
- I can remember feeling a bit sick when she said I had to run to Alicia's. I'd been having these little daydreams and nightmares about the birth in those last four weeks. My nightmare was that Alicia's mum and dad weren't around when she went into labor, and she'd have the baby on a bus or in a minicab, and I'd be with her, not knowing what to do. My daydream was

that I was out somewhere, and I got a message to say that Alicia had had the baby, and they were both safe and well, and I'd missed the whole thing. So when Mum told me I had to run to Alicia's, I knew that I hadn't missed the whole thing, and there was still a chance that the baby would be born on the top deck of the number 43.

- He didn't have his injections, though, so that part was true. What happened was, he started crying in the waiting room when I told him it wasn't going to hurt. I think he worked out that as I never normally told him that something wasn't going to hurt, then something was going to hurt, otherwise I wouldn't have bothered. And I thought, She can take him. I don't want to deal with this. Oh, one other thing. I didn't take him to the toy shop to waste time afterwards, so I saved myself £9.99 on that helicopter thing. I do learn. It's just that I learn very slowly.
- I didn't call Alicia's dad Mr. Burns anymore. I called him Robert, which was better, because every time I said Mr. Burns, I thought of an ancient bald bloke who owned the Springfield nuclear reactor. And I didn't call Alicia's mum Mrs. Burns either. I called her Andrea. We were on first-name terms.
- I dreamed my way through school for the next few weeks. I dreamed my way through life, really. It was all just waiting. I can remember waiting for a bus in that first week, the 19 that took me from my house to hers, and suddenly realizing that waiting for a bus was much easier than anything else, because it was all just waiting anyway. When I was waiting for a bus, I didn't have to do anything else but wait, but all the other waiting was hard. Eating breakfast was waiting, so I didn't eat much. Sleep was waiting, so I couldn't sleep much, even though I wanted to, because sleeping was a good way of getting through eight hours or whatever. School was waiting, so I didn't know what anyone was talking about, during the lessons or at break times. Watching TV was waiting, so I couldn't follow the programs. Even skating was waiting, seeing as how I only went skating when Alicia was

doing something else.

- I waited until nobody was around, and then I got Tony Hawk out from under the bed and stuck him on the wall with the old bits of Blu-Tack that were still on the back. He curled up a bit, but he stayed up long enough for me to tell him that my dad was coming round.
- She got up, pressed the buzzer and went downstairs. I followed her. I couldn't think of one question I was allowed to ask. It sounded to me as though the pretty girl and I were going to meet Alicia. Whose idea was that? If it was mine, I wanted shooting. Did Alicia know the pretty girl was coming? We got off at the Green and walked back up the road to a Chinese restaurant I had never seen before, possibly because I'd never been to this part of the future before.
- It was beginning to feel like I'd been to most other parts. And for maybe two days, it worked, and I felt powerful. I could stop time! At first, I was careful: I didn't go out, didn't answer the phone, not that it ever rung much anyway. I told Mum I had picked up a bug from the crappy hotel and coughed a lot and she let me stay off school. I ate toast, and messed around on You-Tube, and designed a new T-shirt for Tony Hawk. I hadn't spoken to him since I got back. I was a little scared of him now. I didn't want to go back to the place that he'd sent me the last time we talked.